Олеся Руданская

Развод с генералом.

Ты подарил ей мою мечту

Олеся Руданская

Развод с генералом. Ты подарил ей мою мечту

«Автор»
2026

Руданская О.

Развод с генералом. Ты подарил ей мою мечту / О. Руданская — «Автор», 2026

— Софья будет руководить центром, Лада. А ты останешься консультантом. Неужели тебе мало?Четыре года я строила реабилитационный центр: продала мамину квартиру, собрала врачей, продумала каждый кабинет. А на презентации мой муж, генерал Олег Корнеев, вывел на сцену любовницу и назвал ее создателем проекта. Софья говорила моими словами и рассказывала о моей матери так, будто это ее история.Двадцать семь лет я доверяла мужу. Он изменял мне полтора года, а последние месяцы тайно готовил мое отстранение. Разводиться он даже не собирался: предложил работать под руководством Софьи и сохранить семью.Я ушла. В сорок девять сняла квартиру, нашла работу и встретила мужчину, рядом с которым могла снова выбирать сама.И тогда Олег сделал предложение, о котором я еще недавно мечтала: передать мне контроль над почти готовым центром.Только при одном условии — я должна снова стать его женой.

© Руданская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мелким шрифтом 5
Глава 2. После гостей 26
Глава 3. Синяя папка 52
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Олеся Руданская
Развод с генералом. Ты подарил ей мою мечту

Глава 1. Мелким шрифтом

В половине девятого утра я стояла перед стеклянной дверью будущего реабилитационного центра и смотрела, как электрик пытается настроить автоматику двери. Дверь открывалась с неприятным скрежетом, задерживалась на несколько секунд и начинала закрываться раньше, чем человек успевал пройти.

— Еще раз, пожалуйста, — попросила я.

Электрик, молодой парень с красными от холода руками, послушно нажал кнопку на стене. Створка поползла в сторону, замерла и снова двинулась к середине проема.

— Датчик надо перенастроить, — сказал он. — Я мастеру звонил. Сегодня приедет.

— Сегодня у нас презентация. Через два часа здесь будут гости.

— Так они же не на колясках приедут.

Я посмотрела на него, и парень смутился.

— Понял. Сделаем.

Я не стала читать ему лекцию. За последние четыре года таких разговоров у меня было достаточно. Одни считали, что реабилитационный центр отличается от обычной клиники наличием нескольких тренажеров. Другие полагали, что для удобства пациентов достаточно широких коридоров и красивого лифта. Третьи искренне удивлялись, зачем тратить дополнительные деньги на детали, которыми воспользуются далеко не все посетители.

Мне приходилось объяснять, спорить, пересчитывать сметы и снова объяснять.

Сегодня я должна была увидеть результат этой работы.

На фасаде четырехэтажного здания уже висело название «Рубеж». Темно-синие металлические буквы смотрелись солидно на фоне светлого камня. Под ними рабочие заканчивали устанавливать декоративную подсветку.

Когда-то я хотела назвать центр «Второй шаг».

Олег тогда рассмеялся.

— Лада, мы серьезное учреждение открываем, а не кружок скандинавской ходьбы. Название должно вызывать доверие.

Я спорила недолго. Название действительно было не самым важным в нашем проекте. Куда больше меня занимали оборудование, специалисты, планировка и организация помощи людям, которые после тяжелых травм заново учились справляться с привычными вещами.

Теперь, глядя на вывеску, я подумала, что за последние годы слишком часто говорила себе именно это: не самое важное.

Телефон в кармане пальто завибрировал. Звонил Олег.

— Ты уже там? — спросил он вместо приветствия.

— С восьми.

— Не надо было так рано. У нас есть люди, которые получают зарплату за организацию.

— У входа не работает автоматика двери. Я пытаюсь решить вопрос до приезда гостей.

— Лада, сегодня деловая презентация, а не медицинская проверка. Не нужно искать недостатки в каждом углу.

Я прикрыла глаза.

— Я не ищу недостатки, Олег. Дверь действительно закрывается слишком быстро.

— Хорошо. Скажи техникам. И, пожалуйста, не задерживай гостей разговорами об оборудовании. Для этого предусмотрена экскурсия.

— Я помню программу.

— Вот и прекрасно. Я буду около десяти. Софья уже должна приехать, она все проконтролирует.

На секунду я удивилась.

Софья Мартынова занималась рекламой и организацией мероприятий. Последние месяцы мы довольно часто пересекались с ней на совещаниях, хотя непосредственного отношения к медицинской части она не имела.

— Что именно она будет контролировать?

— Лада, мне сейчас неудобно разговаривать. У меня Мельников на второй линии. Увидимся.

Он отключился.

Я убрала телефон и вернулась в здание.

Внутри пахло свежей краской, кофе и влажным картоном. Девушки из кейтеринговой компании расставляли на столах маленькие пирожные. Двое рабочих закрепляли за стойкой регистрации большой экран. На нем сменялись фотографии интерьеров, изображения медицинского оборудования и заставка с логотипом центра.

Я прошла мимо, машинально проверяя знакомые помещения.

Первый этаж предназначался для консультаций и первичной оценки состояния пациентов. На втором разместились залы лечебной физкультуры и кабинеты специалистов. Третий готовили под дополнительные программы, которые мы собирались вводить постепенно, по мере формирования команды. На четвертом находились административные помещения и конференц-зал.

До открытия оставалось около восьми недель, и я прекрасно понимала, сколько еще предстояло сделать. Медицинская лицензия пока не была получена, окончательный состав персонала не утвержден, а часть оборудования ожидала приемки.

Но сегодня потенциальные партнеры должны были увидеть, что проект не существует лишь на бумаге.

Я готовилась к этому дню почти месяц. Трижды переписывала выступление, чтобы объяснить устройство будущего центра людям, далеким от медицины. Убрала сложные термины, оставила главное: человеку недостаточно получить направление на процедуру. Необходимо понимать, как разные специалисты будут работать вместе, как оценивать изменения и что делать после завершения основного курса.

Особенно тщательно я готовила часть о пациентах старшего возраста. Там было несколько предложений о моей матери. Вспоминать ее по-прежнему было трудно, хотя прошло уже шесть лет.

— Лада Олеговна!

Я обернулась.

Из коридора ко мне торопилась Тамара Зимина, наша будущая старшая медицинская сестра. В руках она держала упаковку одноразовых бахил, а на плече висела огромная сумка, с которой Тамара, кажется, не расставалась даже дома.

— Вы пришли! А я вам с утра звоню.

— Телефон был занят. Что случилось?

— С бахилами разобралась, с санитайзерами тоже. Только скажите, пожалуйста, кто придумал поставить стойку с рекламными буклетами прямо перед дверью процедурного кабинета?

Я посмотрела туда, куда она указывала.

Высокая конструкция с фотографиями улыбающихся людей действительно перекрывала часть прохода.

— Уберем.

— Я уже попросила. Мне сказали, что расположение утверждено дизайнером.

— А дизайнер будет помогать переносить пациента, если нам понадобится освободить коридор?

Тамара фыркнула.

— Вот и я примерно так спросила. Только менее вежливо.

Мы вместе переставили стойку к свободной стене. Тамара отошла на несколько шагов, придирчиво осмотрела результат и одобрительно кивнула.

— Теперь нормально. Вы выступать во сколько будете?

— После Олега. Минут двенадцать на медицинскую концепцию, потом вопросы.

— Хорошо. А то я вчера программу видела, там какая-то путаница с фамилиями.

— Какая путаница?

— У Софьи выступление, а вас вообще нет. Я решила, что напутали. У нас вечно кто-нибудь что-нибудь перепутает.

Я замерла.

— Покажи.

Тамара поискала в сумке сложенный лист.

Это была программа презентации, отпечатанная на плотной белой бумаге.

Я развернула ее.

Приветственное слово генерального директора ООО «Рубеж» Олега Корнеева.

Презентация концепции развития медицинского центра. Софья Мартынова.

Выступление представителя инвестиционной группы. Аркадий Мельников.

Экскурсия по помещениям.

Моей фамилии не было.

Я перевернула лист.

На обороте напечатали схему здания.

— Может, есть другой вариант? — спросила я.

— Не знаю. Мне этот вчера дали. Я подумала, вы в конце будете рассказывать.

Я заставила себя улыбнуться.

— Наверное, окончательную программу еще не согласовали.

Тамара внимательно посмотрела на меня.

— Лада Олеговна, все нормально?

— Конечно. Я сейчас выясню.

Она не стала расспрашивать. За время нашей совместной работы Тамара научилась понимать, когда мне не хотелось продолжать разговор.

Я поднялась в конференц-зал.

У дверей стояла девушка с планшетом и проверяла список приглашенных. Я знала ее в лицо, но имени не помнила.

— Доброе утро. Подскажите, кто утверждал программу выступлений?

— Софья Павловна. Вместе с Олегом Викторовичем.

— Можно посмотреть окончательный вариант?

Девушка протянула мне планшет.

Я пролистала несколько страниц. Моего выступления не было и в этом варианте.

— А мое выступление?

Девушка растерялась.

— Сейчас уточню.

— Не надо. Я сама.

Я вышла в коридор, стараясь не торопиться. Возле лифта стояли три человека с коробками цветов. Они обсуждали, куда поставить композицию, чтобы она не закрывала логотип.

Мне захотелось пройти мимо них, зайти в кабинет Олега и немедленно потребовать объяснений. Но мужа еще не было.

Я вспомнила его утреннюю просьбу не искать недостатки.

Может быть, действительно произошла ошибка? Программу могли сократить по просьбе инвесторов. Олег не раз говорил, что презентация должна занимать не больше часа, а медицинские подробности лучше оставить для отдельных встреч.

Все равно меня обязаны были предупредить.

Я набрала его номер, но он не ответил. Через минуту пришло сообщение: «На переговорах. Позже».

Я убрала телефон и пошла к стойке регистрации, где устанавливали информационные стенды.

Именно там я впервые увидела свою фотографию.

Она находилась в нижней части большой панели, посвященной команде проекта. Рядом были снимки специалистов, с которыми я проводила собеседования, обсуждала оборудование, составляла предварительные графики и требования к помещениям.

На моей фотографии я улыбалась. Снимок сделали прошлой осенью для будущего сайта, когда мы собирались представить меня руководителем медицинской программы центра. Я хорошо помнила тот день.

Под фотографией теперь было написано:

«Лада Корнеева. Медицинский консультант».

Я прочитала эти слова дважды.

А потом подняла глаза.

В верхнем ряду, рядом с портретом Олега, находилась фотография Софьи Мартыновой.

Темные волосы были уложены мягкими волнами. Белый жакет, тонкая золотая цепочка, открытая улыбка. Фотограф хорошо поработал со светом: Софья выглядела уверенной, молодой и удивительно располагающей к себе.

Подпись занимала три строки.

«Софья Мартынова. Исполнительный директор. Автор концепции развития центра».

У меня холодели пальцы. Я смотрела на подпись и пыталась понять, когда и каким образом мою работу стали выдавать за чужую концепцию.

Четыре года назад я сама начертила на обычном тетрадном листе первые кабинеты будущего центра. Тогда у нас не было ни здания, ни названия, ни денег на оборудование. Были только мои записи, разговоры с коллегами и желание создать место, где пациентам не придется самостоятельно соединять назначения разных специалистов в подобие разумного плана.

Олег поддержал меня. Предложил искать инвесторов, познакомил с людьми, которые разбирались в строительстве и финансировании. Вместе мы выбрали помещение. Потом долго спорили о бюджете, расходах и сроках.

Я никогда не отрицала его вклад. Но Софья появилась гораздо позже.

Я знала, что она помогает с коммерческой частью, и была благодарна, когда ей удавалось договориться с подрядчиками или исправить неудачные рекламные тексты.

Когда она успела стать автором концепции?

— Лада Олеговна, доброе утро.

Я обернулась.

Софья стояла в нескольких шагах от меня с телефоном и тонкой папкой в руках. Ее темно-синий костюм был безупречно скроен, волосы убраны за одно ухо. От нее едва заметно пахло духами.

— Вы уже посмотрели стенд? — спросила Софья.

— Посмотрела.

— Красиво получилось, правда? Мы вчера до десяти вечера согласовывали макеты.

Я указала на подписи.

— Кто утвердил должности?

На ее лице ничего не изменилось.

— Олег Викторович.

— А мое участие в проекте тоже вчера пересмотрели?

Софья переложила папку в другую руку.

— Насколько я понимаю, Олег Викторович собирался обсудить с вами новую структуру управления.

— Когда?

— Простите?

— Когда он собирался ее обсуждать? До презентации или после?

Она чуть помедлила.

— Думаю, лучше задать этот вопрос ему.

— Я обязательно задам. Но сейчас спрашиваю вас. Кто решил назвать вас автором концепции?

Софья оглянулась на стенд.

— Я отвечаю за развитие проекта. Мы много работали над его коммерческой моделью.

— Коммерческая модель и медицинская концепция — разные вещи.

— Согласна. Поэтому вы и остаетесь медицинским специалистом.

От этой фразы мне стало неприятнее, чем от самой подписи.

Софья произнесла ее без насмешки, деловым, ровным тоном, словно объясняла мне очевидную вещь.

— Я не спрашивала, кем остаюсь, — сказала я. — Я спрашивала, почему вы присвоили себе авторство моей работы.

Софья выпрямилась.

— Я ничего не присваивала, Лада Олеговна. Все формулировки согласовывались с генеральным директором. Если у вас есть замечания, их можно обсудить в рабочем порядке. Но сейчас, извините, я должна встретить гостей.

Она посмотрела на часы.

— Через сорок минут начинается регистрация.

Софья ушла, оставив после себя слабый запах парфюма и ощущение, что я только что пришла с претензией в чужую организацию.

Я снова посмотрела на стенд.

На фотографии Софья улыбалась так, словно все происходящее было совершенно естественным.

Мне захотелось снять панель со стены.

Вместо этого я достала телефон и сфотографировала панель, потом сняла крупнее все подписи.

За моей спиной раздался знакомый голос:

— Лада, ты что здесь делаешь?

Я обернулась.

Олег вошел в холл в темном костюме. Галстук был аккуратно завязан, на лацкане поблескивал небольшой значок фонда. Рядом шел Аркадий Мельников, один из инвесторов проекта, и еще двое мужчин, которых я видела на предыдущих совещаниях.

Муж выглядел довольным. Перед важными выступлениями он всегда чуть приподнимал подбородок и улыбался так, словно заранее знал, что все пройдет по его плану.

— Проверяю стенд, — ответила я.

Он проследил за моим взглядом и задержался на подписях.

— А, да. Хорошо получилось.

— Нам нужно поговорить.

Олег посмотрел на часы.

— Сейчас?

— Сейчас.

Мельников тактично отошел к стойке регистрации, увлекая остальных мужчин за собой.

Олег приблизился.

— Что случилось?

— Почему меня убрали из программы?

Он вздохнул.

— Лада, я хотел объяснить.

— Объясни.

— Мы пересмотрели формат презентации. Слишком много выступлений. Люди пришли ознакомиться с проектом, а не слушать трехчасовые доклады.

— Мое выступление занимало двенадцать минут.

— Тем более. Все основные вопросы будут отражены в общей презентации.

— Кто ее подготовил?

— Софья с командой.

— На основании моих материалов?

— На основании общих материалов компании.

Я почувствовала, что начинаю сердиться по-настоящему.

— Почему она указана автором концепции?

Олег оглянулся. В холле появились первые гости.

— Не здесь.

— Тогда пойдем в кабинет.

— У меня встреча через пять минут.

— Олег.

Он посмотрел на меня так, как смотрел обычно, когда я настаивала на разговоре в неудобный для него момент.

— Лада, тебе не кажется, что ты сейчас слишком эмоционально реагируешь на обычные организационные изменения?

— Мне кажется, что организационные изменения, касающиеся моей работы, должны обсуждать со мной.

Он на секунду поджал губы.

— Хорошо. После мероприятия спокойно поговорим. Я все объясню.

— Почему не до него?

— Потому что сейчас у меня нет времени спорить. И потому что сегодня важный день для всех нас. Давай не будем его портить.

Я смотрела на мужа, с которым прожила двадцать семь лет, и вдруг заметила, что он ни разу не спросил, почему меня так задели эти изменения.

Он считал мое недовольство обстоятельством, которое нужно устранить до начала презентации.

Олег положил ладонь мне на плечо.

— Ты прекрасно знаешь, сколько сил мы вложили в этот проект. Неужели хочешь, чтобы все пошло насмарку из-за неудачной подписи?

Я отступила.

— Это не подпись.

— Тогда тем более поговорим позже.

Он коротко кивнул, поправил манжет и направился к гостям.

Я осталась стоять у стены.

Пожалуй, именно тогда мне впервые захотелось уйти. Но я осталась.

В конференц-зале уже собирались люди. Я узнавала врачей из областной больницы, представителей страховых компаний, нескольких предпринимателей, участвовавших в предварительных переговорах. Были журналисты из местных деловых изданий и сотрудники фонда Олега.

Кто-то здоровался со мной, кто-то спрашивал о сроках открытия, кто-то интересовался, когда можно будет посмотреть оборудование.

Я отвечала привычно и спокойно.

Сроки оставались предварительными. Медицинская лицензия находилась в процессе оформления, окончательные кадровые решения еще предстояли. Оборудование закупали поэтапно. Пока речь шла о подготовке, а не о полноценном приеме пациентов.

В какой-то момент ко мне подошел Мельников.

— Лада Олеговна, рад видеть. Как настроение перед большим днем?

— Рабочее, Аркадий Сергеевич.

Он улыбнулся.

— Это я понимаю. По вам видно, сколько здесь сделано. Помню, как два года назад мы смотрели первые планы. Тогда еще половину помещений предлагали отдать под административные кабинеты.

— Пришлось пересмотреть.

— И правильно. Я, кстати, хотел после мероприятия задать вам несколько вопросов по медицинской программе.

Я посмотрела на сцену, где техники проверяли микрофоны.

— Конечно. Если будет возможность, обсудим.

— Как же без вас? — удивился он. — Вы у нас главный человек по этой части.

Я не успела ответить.

К нам подошла Софья.

— Аркадий Сергеевич, вас уже ждут в первом ряду. Я провожу.

Мельников извинился и ушел с ней.

Я нашла свободное место ближе к выходу.

На сцене стояли три кресла для участников дискуссии. Рядом находился экран, закрывавший почти всю стену.

В сумке у меня лежала папка с распечатанным выступлением, которую я привезла утром. Даже увидев новую программу, я до последнего надеялась, что это ошибка.

Когда в зале погасили часть света, я достала папку и открыла первую страницу.

Текст начинался с обычных слов о необходимости последовательной реабилитации и согласованной работы специалистов.

Я писала его несколько вечеров. Последний вариант Олег попросил прислать ему вчера, чтобы проверить, не слишком ли много профессиональных терминов. Он даже похвалил меня.

«Теперь нормально, Ладочка. Человеческим языком написала».

Я вспомнила это сообщение с неприятной отчетливостью.

Музыка стихла.

Софья вышла на сцену, поприветствовала гостей и представила Олега.

Муж поднялся к микрофону.

Он умел выступать.

За годы его службы я слышала множество таких речей. После ухода со службы он продолжал выступать на торжественных мероприятиях, встречах с ветеранами и деловых приемах. Олег никогда не пользовался бумажками, редко запинался и говорил так, что даже обычное перечисление достижений звучало убедительно.

Сегодня он рассказал о необходимости современной медицинской помощи, социальной ответственности бизнеса и поддержке людей, столкнувшихся с последствиями травм.

Потом заговорил о центре.

— Четыре года назад мы задумались о создании учреждения, в котором пациенту не придется самостоятельно искать решение каждой отдельной проблемы. Где медицинские специалисты смогут работать согласованно, а семья получит понятные рекомендации.

Я слушала, глядя на экран, и узнавала наши прежние разговоры.

На следующем слайде появились фотографии будущих кабинетов.

Олег поблагодарил инвесторов, подрядчиков, сотрудников фонда и команду проекта.

Мою фамилию он не назвал.

Зато, повернувшись к Софье, сказал:

— Особую благодарность хочу выразить Софье Павловне Мартыновой. За последние месяцы ей удалось придать нашей идее конкретную форму и подготовить концепцию развития, которую мы сегодня представляем.

Раздались аплодисменты.

Софья улыбнулась, слегка наклонив голову.

Я положила руки на папку.

Возможно, кто-то со стороны решил бы, что я обиделась из-за отсутствия благодарности. Мне самой хотелось, чтобы дело было только в этом. В конце концов, никто не обязан перечислять всех участников большого проекта в приветственном слове.

Но я уже видела стенд и слышала, кем муж назвал Софью.

Потом она начала свое выступление.

Слайды были красиво оформлены. Никаких перегруженных таблиц, длинных абзацев или сложных медицинских схем. Крупные фотографии, аккуратные диаграммы, несколько коротких тезисов.

Софья говорила свободно.

Она объясняла, что центр ориентирован на комплексный подход, индивидуальные программы и внимание к потребностям семьи пациента.

Я узнавала собственные формулировки.

Некоторые предложения были взяты из подготовленных мной материалов почти дословно.

Мне стало неприятно, но я продолжала слушать.

А потом Софья переключила слайд.

На экране появилась фотография пожилой женщины, опирающейся на ходунки. Обычный рекламный снимок, вероятно купленный для презентации.

— Позвольте рассказать вам одну историю, — сказала Софья. — Именно такие жизненные ситуации помогли нам понять, каким должен быть этот центр.

Я медленно выпрямилась.

— Несколько лет назад одна пожилая женщина перенесла серьезную операцию после перелома бедра. Лечение прошло успешно, однако после выписки ее семья столкнулась с неожиданной проблемой. Нужные специалисты работали в разных учреждениях. Составить последовательный план восстановления оказалось гораздо сложнее, чем получить отдельные рекомендации.

Софья сделала паузу.

— Дочь этой женщины записывала адреса кабинетов в обычную школьную тетрадь. Она рассчитывала маршруты, старалась совместить приемы и постоянно беспокоилась, что упустит что-нибудь важное.

Я перестала слышать шум вентиляции.

Школьная тетрадь.

Синяя, с потрепанной обложкой.

Моя тетрадь.

Я купила ее в киоске возле больницы, когда маму выписали после операции. На первой странице записала телефон лечащего врача. Потом появились адреса, рекомендации, расписания, имена специалистов.

Мама тогда еще шутила, что я опять собираюсь сдавать экзамены.

Никому из посторонних я об этой тетради не рассказывала. О ней знал Олег, и еще я упомянула ее в выступлении, подготовленном для сегодняшней презентации.

Софья продолжала:

— Мы хотим, чтобы у семей было меньше подобных организационных трудностей. Чтобы человек получал не набор отдельных услуг, а понятный путь восстановления.

В зале слушали внимательно; одна женщина в первом ряду сделала пометку в блокноте.

Я смотрела на незнакомое лицо на экране и вспоминала мамины руки, их тепло. После операции пальцы стали худыми, костяшки выступили сильнее. Когда мама пыталась подняться с кресла, я поддерживала ее за локоть и боялась причинить боль.

У нас была обычная семья.

Мама работала бухгалтером, вырастила меня, никогда не жаловалась без необходимости. Она не любила обращаться за помощью. Просила только, чтобы я не тратила на нее слишком много времени.

«У тебя дети, Лада. Работа. Я справлюсь».

Она не всегда справлялась.

А я тогда впервые по-настоящему поняла, насколько тяжело человеку, которому нужна не одна процедура, а длительное восстановление с участием разных специалистов.

Из этого опыта выросла моя мечта.

Теперь молодая женщина в красивом костюме рассказывала его как часть собственной профессиональной истории.

Я открыла папку.

На третьей странице моего выступления было написано:

«У меня сохранилась школьная тетрадь, в которую я записывала маршруты между кабинетами, телефоны специалистов и время приемов моей матери».

Слова немного отличались, но история была моей.

Я подняла глаза на Олега.

Он сидел сбоку от сцены, скрестив руки на коленях.

Смотрел на Софью.

Не на меня.

И вдруг я поняла, что он прекрасно знает, откуда она взяла этот пример.

Он не мог не знать.

В этот момент мне не хотелось ни плакать, ни кричать.

Я испытывала странное, почти физическое отвращение к происходящему. К аплодисментам, дорогим креслам, экрану с чужой фотографией. К голосу Софьи, пересказывавшей мои воспоминания о матери. К собственному выступлению, которое я держала на коленях, хотя никто не собирался предоставлять мне слово.

Я закрыла папку.

Софья закончила через двадцать минут.

Ей аплодировали.

Олег поднялся на сцену и пожал ей руку. Потом они вместе отвечали на вопросы.

Я слушала еще некоторое время.

Один из приглашенных врачей спросил, кто будет отвечать за медицинскую часть проекта после получения лицензии.

Софья ответила, что команда специалистов формируется, а медицинские решения будут приниматься квалифицированными врачами в пределах их полномочий.

Мою фамилию она не назвала.

Когда начался перерыв перед экскурсией, я встала.

Никто не остановил меня у двери.

В коридоре стало легче дышать, хотя здесь все еще пахло строительной пылью.

Я прошла мимо подготовленных кабинетов, мимо стойки с буклетами, мимо высокого окна, за которым лежал февральский снег.

На втором этаже меня окликнула Тамара.

— Лада Олеговна, вы куда? Вас Мельников спрашивал.

— Потом поговорю.

Она посмотрела на папку в моих руках.

— Вы не выступали.

— Нет.

Тамара помолчала.

— Это из-за Софьи?

Я не ответила сразу.

Не хотелось втягивать ее в происходящее. У Тамары была своя жизнь, сын-подросток, ипотека и вполне понятное желание получить постоянную работу после месяцев подготовки.

— Мне нужно разобраться с Олегом, — сказала я.

Она кивнула.

— Если что, я буду в кабинете персонала. Там опять шкаф поставили так, что дверь нормально не открывается.

Я неожиданно улыбнулась.

— Передвиньте его. Сами знаете, как должно быть.

— Знаю.

Я пошла дальше.

В конце коридора находился небольшой служебный кабинет, который Олег использовал во время визитов в центр. Мы вместе выбирали для него мебель. Я еще шутила, что генерал даже в будущем медицинском учреждении устроит себе штаб.

Теперь эта шутка казалась неуместной.

Дверь была открыта.

На столе лежали папки, бутылки воды и несколько визиток. У окна стояла фотография здания, сделанная во время реконструкции.

Я положила свое выступление на стол и села.

Через десять минут в коридоре послышались шаги.

Олег вошел, разговаривая по телефону.

— Нет, Аркадий Сергеевич, договорились. Подробности обсудим в понедельник. Я отправлю вам материалы.

Он увидел меня, замолчал на секунду, попрощался и убрал телефон.

— Ты почему не на экскурсии?

— Я ждала тебя.

Олег закрыл дверь.

— Лада, я же просил не начинать сегодня выяснение отношений.

— А когда ты собирался мне все рассказать?

Он снял пиджак, повесил его на спинку кресла и сел напротив.

— Давай по порядку. Что именно тебя не устраивает?

Я посмотрела на него.

— Ты сейчас серьезно?

— Абсолютно. Я хочу понять, в чем проблема.

— Меня исключили из программы. Поменяли мое положение в проекте. Назвали другую женщину автором моей работы. И ты спрашиваешь, в чем проблема?

Олег потер переносицу.

— Мы обсуждали необходимость усилить коммерческую составляющую. Софья взяла на себя огромный объем организационной работы.

— Я не отрицаю ее работу. Почему она представляет мою медицинскую концепцию как собственную?

— Она представляла концепцию развития центра. Не нужно цепляться к словам.

— История моей матери тоже стала частью ее концепции?

Муж поднял глаза.

— Что?

— Она рассказала о моей матери. О ее операции. О тетради, в которой я записывала приемы. Это было в моем выступлении, Олег. В том самом выступлении, которое ты попросил прислать вчера.

— Лада, никто не называл твою мать по имени.

Несколько секунд я молчала, пытаясь понять, действительно ли муж считает это достаточным объяснением.

— Ты не услышал, о чем я спросила.

— Я все услышал. Пример удачный, понятный людям. Мы использовали его, чтобы объяснить задачу проекта.

— Кто такие «мы»?

Олег сдвинул брови.

— Что за допрос?

— Кто принял решение использовать мою историю в выступлении Софьи? Ты?

Он посмотрел в сторону окна.

— Материалы готовила команда. Я не проверял каждую формулировку.

— Но мое выступление ты проверял.

— Лада.

— Ты попросил его вчера вечером. Я отправила тебе файл. Ты прочитал и сказал, что теперь все написано человеческим языком. А сегодня Софья рассказала мою историю со сцены.

Он встал, прошелся вдоль стола, потом остановился напротив меня.

— Хорошо. Да, я передал материалы Софье. Она готовила общую презентацию. Не вижу здесь ничего необычного. Мы работаем над одним проектом.

— Тогда почему я не участвую в его представлении?

— Потому что изменилась управленческая структура.

Я почувствовала, что приближаюсь к самому важному вопросу.

— Когда?

— Несколько недель назад.

— Без меня?

— Ты слишком болезненно воспринимаешь такие вещи. Я хотел закончить подготовку, а потом спокойно все объяснить.

— И что именно ты собирался объяснить?

Олег вернулся к креслу и сел, положив ладони на подлокотники. Я знала эту позу: так он обычно сообщал людям неприятное, но окончательное решение.

— Софья будет исполнительным директором проекта. Она займется организацией, персоналом, продвижением, взаимодействием с инвесторами. Медицинскую часть мы выделим в отдельное направление. Ты сможешь курировать его как консультант.

— Смогу?

— Да. На достойных условиях. Мы обсуждали хорошее вознаграждение.

— С кем обсуждали?

Он раздраженно выдохнул.

— Лада, ты опять начинаешь.

— Я пытаюсь понять, когда меня перестали считать участником проекта. У меня сорок процентов компании. Я вложила в нее деньги. Четыре года занималась подготовкой медицинской программы. И теперь ты предлагаешь мне консультационную должность, которую сам же придумал?

— У тебя никто не забирает долю.

— Тогда почему все решения принимаются без меня?

— Потому что кто-то должен их принимать. Я генеральный директор. И отвечаю перед инвесторами.

— А передо мной?

Олег замолчал.

Я ждала.

Он отвел глаза первым.

— Вот именно поэтому я и не хотел обсуждать все до презентации, — сказал он наконец. — Ты смешиваешь личные отношения и деловые вопросы.

Я медленно поставила папку на край стола.

— Хорошо. Давай поговорим о личных отношениях.

Муж насторожился.

— Что ты имеешь в виду?

Я внимательно посмотрела на него.

Пятьдесят шесть лет. Серебро на висках. Знакомая складка между бровями. Правая рука лежала на столе, и я видела небольшую белую полоску у основания большого пальца — след старого ожога, который он получил еще молодым офицером.

Я знала этого человека почти всю сознательную жизнь.

Знала, что он терпеть не может холодный чай. Что по выходным читает несколько газет, хотя новости давно узнает с телефона. Что перед важными встречами становится молчаливым и может не заметить, как проходит целый вечер.

Знала, как он смеялся, когда наша маленькая Кира впервые назвала его генералом, не понимая значения слова.

Знала, как он боялся за Дениса, когда тот в восемь лет попал в больницу с тяжелой пневмонией.

Я знала очень многое.

Но сегодня выяснилось, что не знаю главного.

— Что у тебя с Софьей? — спросила я.

Олег медленно убрал руку со стола.

— Лада...

— Только не говори, что я неправильно поняла.

Он посмотрел на закрытую дверь.

Этот короткий взгляд оказался красноречивее любых слов.

— Ты хочешь обсудить это прямо здесь?

— Да.

— Сегодня?

— Да, Олег. Именно сегодня.

Муж несколько секунд молчал.

Потом сказал:

— Между нами действительно есть отношения.

Я не сразу поняла смысл услышанного.

Разумеется, я подозревала измену уже несколько часов. И все же до последнего оставалась какая-то нелепая надежда, что у происходящего существует другое объяснение.

Профессиональная самоуверенность Софьи, неудачное решение Олега, сложные договоренности с инвесторами — все что угодно.

— Какие отношения? — спросила я, хотя прекрасно понимала ответ.

Олег посмотрел на меня с явным неудовольствием.

— Ты взрослая женщина.

— Я задала вопрос.

— Личные.

— Вы любовники?

Он не ответил.

Этого оказалось достаточно.

Я опустила глаза на свои руки.

На безымянном пальце блестело обручальное кольцо. Простое, с гладкой поверхностью. За годы оно стало немного тесным, и иногда я снимала его дома, когда руки отекали после долгой работы.

Олег когда-то выбирал его сам.

Мы поженились почти без денег, зато с такой уверенностью в будущем, какой у молодых людей иногда бывает больше, чем у тех, кто уже знает цену обещаниям.

— Давно? — спросила я.

— Лада, давай не будем обсуждать подробности.

— Давно?

Он глубоко вдохнул.

— Около полутора лет.

Я подняла голову.

— Полтора года?

— Да.

Я попыталась вспомнить, что происходило в нашей жизни полтора года назад.

Мы ездили к Кире, помогали ей выбирать мебель для первой самостоятельной квартиры. Денис сдавал экзамены. Олег жаловался на боли в спине, и я уговаривала его наконец заняться здоровьем. Осенью мы вместе выбирали плитку для первого этажа будущего центра.

А еще у нас была годовщина свадьбы. Я надела серьги с небольшими сапфирами, которые Олег подарил мне на серебряную свадьбу, а он сказал, что после открытия клиники мы обязательно поедем куда-нибудь вдвоем.

Я тогда поверила.

— Ты ездил с ней в командировки? — спросила я.

— Иногда мы бывали на одних мероприятиях.

— Когда говорил, что задерживаешься в фонде?

Он сжал губы.

— Не всегда.

— А когда приезжал домой поздно и я оставляла тебе ужин?

— Лада, пожалуйста.

Я посмотрела на него.

— Ты не хочешь отвечать, потому что тебе неприятно?

— Потому что не вижу смысла причинять тебе дополнительную боль.

От этих слов у меня перехватило дыхание.

— Ты серьезно считаешь, что сейчас защищаешь меня?

Он отвернулся.

Я сидела совершенно неподвижно.

За стеной кто-то рассмеялся. Потом послышался звон посуды. Наверное, сотрудники кейтеринга убирали чашки после кофе-брейка.

В соседнем зале люди обсуждали медицинский центр, благодарили друг друга и строили планы, пока я узнавала, что мой муж изменял мне полтора года.

— Ты собирался уйти? — спросила я.

Олег повернулся.

— Куда?

— К ней. От меня.

Он нахмурился.

— Я не собирался разрушать семью.

Меня поразила не сама фраза, а уверенность, с которой он ее произнес.

— То есть разводиться ты не хотел?

— Нет.

— И сейчас не хочешь?

— Нет, Лада. Я думал, мы сможем разобраться.

— В чем именно?

— В наших отношениях. Последние годы мы отдалились друг от друга. Ты почти все время занималась центром. Я тоже работал. У нас давно не было нормального разговора.

Я медленно выпрямилась.

— Ты сейчас объясняешь свою измену тем, что я занималась центром?

— Я объясняю, что между нами возникли проблемы.

— Почему ты не сказал об этом мне?

— Я пытался.

Я вспомнила наши последние месяцы.

Он действительно иногда говорил, что мы мало бываем вместе.

Но чаще всего это происходило, когда я просила его не назначать новые встречи на воскресенье или хотя бы раз за неделю приехать домой к ужину.

Я не была идеальной женой. Могла пропустить звонок, задержаться на совещании, забыть, что Олег приглашал друзей. Иногда слишком уставала для разговора. Иногда сама уходила от неприятных тем.

Но я никогда не считала, что за трудностями в браке обязательно следует появление третьего человека.

— И вместо разговора со мной ты начал отношения с Софьей.

— Все получилось сложнее.

— Что именно сложнее?

— Я не планировал этого.

Первое оцепенение отступало. Я еще не злилась, но смотрела на него с разочарованием. Даже сейчас он не мог сказать просто и ясно: да, я поступил плохо.

— Она знает, что ты не собираешься разводиться? — спросила я.

Олег нахмурился.

— Это наши отношения.

— Какие именно? С ней или со мной?

— Не надо.

— Я действительно хочу понять. Софья знает, что ты собирался оставить все как было? Что я продолжу жить с тобой, заниматься домом, ходить на семейные праздники, а она будет руководить клиникой и встречаться с тобой после работы?

Он встал.

— Достаточно, Лада.

Голос стал жестче. Я слышала этот тон сотни раз и нередко прекращала спор, как и другие. Но сегодня не собиралась.

— Нет. Недостаточно. Ты сегодня перед несколькими десятками человек представил свою любовницу как автора моей работы. Дал ей должность, о которой мы договаривались для меня. А теперь объясняешь, что не хотел разрушать семью. Ты правда не понимаешь, что сделал?

Олег обошел стол и остановился рядом, но не слишком близко.

— Я понимаю, что тебе неприятно. И готов признать, что должен был поговорить раньше. Но прошу тебя не принимать необдуманных решений.

— Каких?

— Не устраивать скандал. Не втягивать детей. Не делать ничего, о чем потом пожалеешь.

Я смотрела на него снизу вверх.

— Ты боишься скандала?

— Я беспокоюсь о тебе и о нашей семье.

— Тогда почему ты не беспокоился, когда заводил любовницу?

Он сжал челюсти.

— Я не собираюсь обсуждать это в таком тоне.

— А в каком тоне мне следует говорить? Ты можешь подсказать? Наверное, у тебя уже есть рекомендации и на этот счет.

Олег резко отвернулся.

Несколько секунд мы молчали.

Потом он произнес:

— У нас есть дети, общий дом, бизнес. Двадцать семь лет брака. Неужели ты готова все перечеркнуть из-за одной ошибки?

Я почувствовала, как что-то болезненно сжалось внутри.

Одной ошибки.

Полтора года измены.

Месяцы подготовки решения, которое исключало меня из собственного проекта.

Публичное присвоение моей работы.

И все это он называл одной ошибкой.

— Ты ведь даже не считаешь, что должен извиниться, — сказала я.

Олег удивленно посмотрел на меня.

— Конечно, я сожалею, что причинил тебе боль.

— Это не одно и то же.

Он устало провел ладонью по лицу.

— Хорошо. Прости меня. Я поступил неправильно. Но сейчас нам нужно решить, как жить дальше.

Я хорошо знала своего мужа.

Он терпеть не мог неопределенности. Любую неприятную ситуацию стремился как можно скорее превратить в задачу, которую можно выполнить: договориться, назначить ответственного, установить срок.

Сейчас ему требовалось, чтобы я перестала задавать вопросы и согласилась обсуждать план дальнейшей жизни.

Но я уже не могла смотреть на происходящее как на обычную семейную ссору.

— Ты собираешься продолжать отношения с Софьей?

Олег замолчал.

— Олег?

— Я не хочу сейчас давать обещания под давлением.

Я медленно кивнула.

До этой минуты я все еще надеялась, что он испугается, увидев, что может потерять. Но Олег, похоже, по-прежнему рассчитывал договориться.

— Мне нужны документы, — сказала я.

Он не сразу понял.

— Какие документы?

— По компании. Последние решения о структуре управления, сведения о полномочиях Софьи, договоры, касающиеся моего участия. И все материалы, которые использовались при подготовке сегодняшней презентации.

— Зачем?

— Затем, что я участник общества и хочу понимать, какие решения приняты.

Он посмотрел на меня настороженно.

— Ты собираешься обращаться к юристам?

— Возможно.

— Лада, не надо превращать семейные проблемы в деловой конфликт.

Я поднялась.

— Это ты сделал их деловым конфликтом.

Муж шагнул ко мне.

— Послушай. Я действительно не хотел, чтобы все произошло таким образом. Софья хороший управленец. Она способна сделать центр успешным. А тебе нужно заниматься медициной. Ты сама всегда говорила, что устала от подрядчиков, смет и организационной рутины.

— Я говорила, что устала постоянно объяснять людям, почему нельзя экономить на безопасности пациентов.

— Вот именно. Поэтому я и решил разгрузить тебя.

Я смотрела на него и едва верила своим ушам.

— Разгрузить?

— Да. Ты сможешь заниматься тем, что любишь, без всей этой административной работы.

— Под руководством Софьи?

— По медицинским вопросам у тебя будут собственные полномочия.

— Какие?

Олег раздраженно выдохнул.

— Мы можем все прописать.

— Но пока ничего не прописали.

— Потому что ты даже не хочешь спокойно обсудить предложение.

Я взяла сумку.

— Мне кажется, ты уже все обсудил. Только без меня.

Он опустил глаза на папку, лежавшую на столе.

— Что это?

— Мое выступление.

Олег потянулся к нему, но я накрыла бумаги ладонью.

— Я готовила его для сегодняшней презентации. Вчера ты сказал, что все хорошо. А утром оказалось, что выступать будет Софья.

Он убрал руку.

— Я уже объяснил причины.

— Нет. Ты объяснил, почему тебе было удобно так поступить. Это разные вещи.

Я положила папку в сумку.

Олег некоторое время молчал.

Потом неожиданно спросил:

— Ты домой сегодня приедешь?

Вопрос прозвучал настолько привычно, что я едва не ответила автоматически.

Каждый вечер, если мы разъезжались по делам, он спрашивал примерно одно и то же: во сколько буду дома, нужно ли покупать продукты, буду ли ужинать.

Я вдруг вспомнила, что утром достала из морозильника рыбу. Собиралась приготовить ее с овощами после презентации. Олег любил именно так, с большим количеством лимона и без лишних специй.

Какая нелепость.

Я только что узнала о полутора годах его отношений с другой женщиной и вспомнила о размороженной рыбе.

— Не знаю, — ответила я.

Он посмотрел на часы.

— Давай не будем принимать решения на эмоциях. Я закончу здесь, приеду, спокойно поговорим.

— О чем?

— О нас.

— Ты собираешься рассказать, почему полтора года врал мне?

Его лицо снова стало жестким.

— Я понимаю, что ты обижена.

— Обижена?

Я произнесла это слово почти шепотом.

За всю нашу совместную жизнь я много раз обижалась на мужа.

Когда он забывал о моем дне рождения и приносил цветы на следующий день.

Когда без предупреждения приглашал друзей, а мне приходилось менять планы.

Когда обещал приехать к детям на школьный праздник и не приезжал из-за работы.

Тогда я действительно обижалась.

Мы спорили, мирились, иногда долго не разговаривали.

Но то, что случилось сегодня, не имело к обычной обиде никакого отношения.

— Ты даже не представляешь, что я сейчас чувствую, Олег.

Он подошел ближе.

— Лада, я...

Муж протянул руку, намереваясь коснуться моего плеча.

Я сделала шаг назад.

Он остановился.

Впервые за весь разговор я увидела в его глазах настоящее удивление.

— Не надо, — сказала я.

— Хорошо.

Он опустил руку.

Мне хотелось спросить еще о многом.

Где они встречались.

Бывала ли Софья в нашем доме, когда меня не было.

Знал ли кто-нибудь из общих знакомых.

Дарил ли он любовнице украшения, похожие на мои.

Вспоминал ли обо мне, когда возвращался после очередного свидания.

Но я понимала, что сейчас не выдержу ответов.

Да и многое уже не имело значения.

Полтора года.

Этого было достаточно, чтобы представить десятки вечеров, в которых я жила одной жизнью, а мой муж — совершенно другой.

— Я хочу побыть одна, — сказала я.

Олег кивнул.

— Конечно. Но все-таки позвони, когда решишь, где будешь ночевать.

Я ничего не ответила.

Он открыл передо мной дверь.

В коридоре стояла Софья.

В руках она держала планшет и несколько листов.

Увидев меня, остановилась.

На мгновение ее взгляд переместился с моего лица на лицо Олега.

Похоже, она поняла, что Олег рассказал мне об их отношениях.

Софья не покраснела. Не отвернулась и не попыталась уйти.

Только чуть крепче прижала планшет к груди.

— Олег Викторович, Аркадий Сергеевич просит вас спуститься. Они хотели обсудить вторую очередь проекта.

— Сейчас подойду, — ответил муж.

Софья кивнула.

Потом посмотрела на меня.

— Лада Олеговна, я могу перенести нашу встречу по документам на завтра, если вам сегодня неудобно.

Несколько секунд я пыталась понять, что она имеет в виду.

— Какую встречу?

— Мы хотели обсудить ваше дальнейшее участие в медицинской программе. Я отправлю вам материалы.

Я посмотрела на Олега.

Он стоял рядом и молчал.

— Отправьте, — сказала я.

Софья слегка улыбнулась.

— Хорошо.

Я прошла мимо них.

У лестницы остановилась и обернулась.

Олег уже разговаривал с Софьей. Он говорил негромко, деловито. Она что-то показывала на планшете, а он внимательно слушал.

Ничего необычного.

Мужчина и женщина обсуждали рабочие вопросы.

Наверное, если бы я увидела эту сцену вчера, мне даже не пришло бы в голову искать в ней что-то еще.

Сейчас я знала, что они любовники.

Знала, что будущее проекта они обсуждали без меня.

И что сегодня Олег собирался вернуться домой, где его ждали привычный ужин, чистые рубашки и жена, которую он не считал нужным предупреждать о собственных решениях.

Я спустилась на первый этаж.

В холле продолжали общаться гости. Несколько человек фотографировались на фоне вывески. Возле стойки регистрации сотрудники складывали оставшиеся буклеты в коробки.

Свой портрет я увидела издалека.

Медицинский консультант.

Под фотографией Софьи слова об авторстве концепции занимали гораздо больше места.

Я не стала подходить ближе.

У выхода снова встретила электрика.

Он как раз проверял автоматику двери.

— Лада Олеговна! — обрадовался парень. — Смотрите, починили.

Дверь плавно открылась, задержалась и так же плавно закрылась.

— Спасибо, — сказала я.

— Теперь все как вы просили.

Он выглядел искренне довольным.

Я тоже попыталась улыбнуться.

— Хорошо сделали.

На улице было холоднее, чем утром.

Снег вдоль дорожек успел превратиться в грязную кашу, и я осторожно прошла к парковке, придерживая сумку.

Моя машина стояла в дальнем ряду.

Я села за руль, закрыла дверь и несколько минут просто смотрела перед собой.

На стекле таяли редкие снежинки.

В салоне пахло кофе из термокружки, которую я оставила утром. На соседнем сиденье лежала коробка с образцами тканей для медицинской мебели. Вчера я забрала ее у поставщика, потому что хотела проверить, насколько легко будет очищать выбранную обивку.

Сейчас эта коробка казалась вещью из другой жизни.

Телефон зазвонил.

Олег.

Я смотрела на экран, пока звонок не закончился.

Через минуту он позвонил снова.

Я отключила звук.

Мне не хотелось слышать его голос.

Зато хотелось позвонить Кире.

Дочь наверняка была на работе. Я представила, как она выходит из кабинета в коридор, отвечает и слышит, что у ее отца уже полтора года есть любовница.

Нет, не сейчас. Я не знала, как произнести это вслух.

Потом подумала о Денисе.

Он восхищался отцом. Всегда.

Даже когда спорил с ним, даже когда жаловался на его требовательность, в голосе сына оставалось особенное уважение.

Я вспомнила, как Олег учил его водить машину на пустой стоянке. Денис тогда был ужасно горд, что отец доверил ему руль.

Интересно, как сын отреагирует, когда узнает?

Или муж уже подготовил для детей собственное объяснение?

Я положила телефон на сиденье.

За лобовым стеклом рабочие убирали коробки возле входа в центр. Кто-то из гостей проехал мимо на черном автомобиле. Здание постепенно возвращалось к обычной жизни строительного объекта.

Четыре года работы.

Восемь миллионов четыреста тысяч рублей, которые я вложила после продажи маминой квартиры.

Десятки встреч, сотни писем, бесконечные споры о расходах, оборудовании и специалистах.

Я вспомнила день, когда мы впервые осматривали это здание.

Тогда здесь были голые стены, старые трубы, обрывки проводов и пыль на подоконниках.

Олег стоял у окна и рассказывал, сколько кабинетов можно разместить на каждом этаже.

Я спорила, что сначала необходимо определить медицинскую программу, а уже потом планировать пространство.

Он смеялся.

Обнимал меня за плечи и говорил:

— Ладочка, я буду заниматься деньгами, а ты делай свою медицину. Построим тебе такой центр, какого ни у кого нет.

Я тогда была счастлива: моя давняя мечта наконец становилась осуществимой.

Муж поддерживал меня. У нас было общее дело, ради которого стоило пережить несколько трудных лет.

Сегодня я услышала, кому он решил его передать.

Телефон коротко завибрировал.

На экране появилось уведомление о новом письме.

Отправитель: Софья Мартынова.

Тема: «Предложения по дальнейшему сотрудничеству».

Я открыла письмо.

«Уважаемая Лада Олеговна!

В соответствии с обновленной организационной структурой проекта направляю для ознакомления предложение о вашем участии в подготовке медицинской программы центра.

Буду признательна за обратную связь в удобное для вас время.

С уважением, Софья Мартынова, исполнительный директор проекта "Рубеж"».

Ниже находились два вложения.

Я открыла первое.

Соглашение о консультировании.

В документе были подробно описаны мои будущие обязанности: участие в обсуждении медицинских программ, подготовка рекомендаций, консультационная поддержка специалистов, присутствие на совещаниях по отдельному приглашению руководства.

Права самостоятельно определять содержание программ не предусматривалось.

Утверждать ключевые решения я тоже не могла.

Размер вознаграждения был указан отдельно.

Я посмотрела на сумму.

Она оказалась значительно меньше той, на которую мы с Олегом ориентировались при обсуждении моей будущей должности.

Но больше всего меня заинтересовала дата документа.

Его подготовили неделю назад.

Я вернулась к письму и открыла второе вложение.

Это была схема управления проектом.

На верхней строке значилось ООО «Рубеж».

Ниже — генеральный директор Олег Корнеев.

Следом — исполнительный директор Софья Мартынова.

От ее должности отходили линии к нескольким подразделениям, включая медицинское направление.

Моя фамилия находилась в отдельном маленьком прямоугольнике сбоку.

«Внешний медицинский консультант».

Я увеличила документ, чтобы прочитать примечание под схемой.

«Консультант привлекается к работе по отдельным поручениям руководства проекта».

Рядом стояла дата утверждения.

Неделю назад.

Я медленно опустила телефон.

Впервые за весь день мне захотелось плакать. Я вдруг ясно представила, как неделю назад Олег возвращался домой, ужинал со мной, рассказывал о переговорах, спрашивал, не забыла ли я заказать новые полотенца для гостевой ванной.

Потом мы вместе смотрели вечерние новости.

Я сидела рядом с ним на диване и рассказывала, что закончила медицинскую часть презентации.

Он слушал, кивал и просил не переутомляться.

А где-то в его рабочей переписке уже лежал документ, согласно которому я больше не должна была принимать решения в центре, созданном по моей инициативе.

Все это время муж знал, что готовит, и ни разу не сказал мне.

Я открыла журнал звонков.

Напротив имени Олега стояли два пропущенных вызова.

Раньше я обязательно перезвонила бы.

Объяснила, почему не ответила. Сказала, где нахожусь, во сколько собираюсь приехать и нужно ли ему что-нибудь купить по дороге.

Вместо этого я положила телефон в сумку.

Потом завела машину. У выезда с парковки горел зеленый сигнал светофора.

Я могла повернуть направо, к нашему дому.

Налево — к центру города, где находился мой старый кабинет в медицинском институте. Там, в ящике рабочего стола, до сих пор хранилась синяя школьная тетрадь с маминым назначениями.

Я повернула налево.

Мне нужно было забрать ее.

И понять, какие еще части моей жизни муж успел переписать без моего ведома.

Глава 2. После гостей

В медицинском университете заканчивались занятия. По лестницам спускались студенты, кто-то разговаривал по телефону, кто-то на ходу застегивал куртку. В холле пахло мокрой одеждой и кофе из автомата, который стоял у окна уже лет десять и все это время выдавал напитки с одинаковым привкусом пластмассы.

Я предъявила пропуск охраннику и поднялась на третий этаж.

По четвергам у меня еще оставались занятия с ординаторами. Всего несколько часов в неделю, но я не хотела окончательно терять связь с университетом, где когда-то начинала профессиональную жизнь. Олег периодически советовал отказаться от этой нагрузки. Говорил, что теперь у меня собственный центр и незачем тратить силы на занятия, за которые платят меньше, чем за одну частную консультацию.

Я не соглашалась: здесь мне не приходилось быть женой генерала.

На кафедре меня знали как Ладу Олеговну Корнееву, врача, которая придиралась к поверхностным ответам, не любила необоснованных обещаний пациентам и требовала объяснять каждое назначение. Мои студенты иногда жаловались на строгость, но охотно приходили за советом.

Сегодня в коридоре было почти пусто.

Я открыла ключом небольшой кабинет, который делила с двумя коллегами, включила свет и сняла пальто.

На подоконнике стоял горшок с давно погибшим цветком. Кто-то аккуратно подпер сухие стебли деревянной палочкой, но лучше от этого они не выглядели. На стене висел прошлогодний календарь, а на столе лежала стопка студенческих работ.

Я села и открыла нижний ящик.

Синяя тетрадь находилась там, где я ее оставила, между старой методичкой по реабилитации после ортопедических операций и папкой с материалами для лекций.

Обложка была потерта по краям. На обороте сохранился маленький ценник из газетного киоска. Я провела по нему пальцем, а затем открыла первую страницу.

«Среда. 10:40. Травматолог. Второй корпус».

Ниже я записала фамилию врача, номер кабинета и телефон регистратуры.

Следующая страница была заполнена гораздо плотнее.

Я составляла для мамы расписание, стараясь совместить приемы, обследования и занятия так, чтобы она меньше уставала от поездок. В ту пору мама уже плохо переносила дорогу, хотя неизменно утверждала, что чувствует себя прекрасно.

Помню, однажды она рассердилась, когда я предложила взять инвалидное кресло для длинного перехода между корпусами.

— Лада, мне семьдесят два, а не сто два. Я еще сама дойду.

Она действительно дошла, но потом весь вечер сидела в кресле возле окна и отказывалась признаться, что сильно болит нога.

Я тогда работала врачом уже много лет, но собственная квалификация не избавляла от бессилия, с которым сталкиваются родственники больного человека. Я понимала, какие специалисты нужны, какие ограничения необходимо учитывать, чего нельзя обещать. И все равно иногда ошибалась в самых обычных вещах: оставляла слишком мало времени между приемами, не учитывала, сколько сил отнимает дорога, забывала, что маме нужно просто посидеть и отдохнуть.

В тетради сохранились не только медицинские записи.

Между страницами нашелся сложенный чек из аптеки и листок с маминым почерком.

«Лада, не забудь поесть. В холодильнике суп».

Я долго смотрела на эти слова.

Мама оставила записку с вечера, когда я осталась у нее ночевать. Утром я уехала на работу раньше, чем она проснулась.

В тот день я, кажется, так и не пообедала.

Удивительно, какие подробности остаются в памяти. Я плохо помнила, что подарила маме на последний день рождения, зато совершенно отчетливо представляла ее кухню, коричневую сахарницу и полотенце с вышитыми лимонами, которое она упорно не хотела выбрасывать.

Телефон лежал рядом с тетрадью.

На экране высветилось сообщение Олега.

«Презентация закончилась. Ты где?»

Я прочитала и положила телефон обратно.

Через несколько минут пришло второе.

«Лада, давай без глупостей. Напиши хотя бы, что с тобой все нормально».

Я открыла переписку.

Выше находились вчерашние сообщения.

Олег просил прислать ему окончательный вариант выступления, затем уточнял, во сколько я буду дома. Я отвечала, что закончу работу к восьми, и спрашивала, купить ли ему хлеба.

Он прислал короткое «да».

Обычная переписка двух людей, проживших вместе почти три десятилетия.

Я пролистала еще немного.

За последние месяцы в наших сообщениях почти не осталось ничего личного. Время встреч, списки покупок, фотографии документов, напоминания о днях рождения общих знакомых. Иногда он присылал мне статьи, связанные с реабилитацией, а я отправляла ему фотографии кабинетов после очередного этапа ремонта.

Когда мы перестали разговаривать о чем-то, кроме дел?

Возможно, Олег был прав в одном: мы действительно отдалились.

Но я не могла согласиться, что расстояние между супругами дает кому-то из них право начинать вторую жизнь за спиной другого.

Я написала:

«Со мной все нормально. Вечером приеду. Сейчас разговаривать не хочу».

Отправила сообщение и выключила звук.

Потом достала из сумки папку с выступлением и положила рядом с тетрадью.

На третьей странице находился тот самый абзац, который сегодня прозвучал со сцены в исполнении Софьи.

Я вспомнила, как писала его позавчера вечером. Сидела на кухне с ноутбуком, несколько раз меняла формулировки, стараясь не превращать личную историю в попытку разжалобить слушателей.

Олег вошел около десяти, заглянул через мое плечо и спросил:

— Опять работаешь?

Я ответила, что заканчиваю.

Он поцеловал меня в макушку, взял из холодильника воду и ушел смотреть новости.

Тогда мне было приятно это короткое прикосновение.

Теперь я невольно задумалась, встречался ли он в тот день с Софьей.

Потом закрыла папку.

Мне не хотелось превращать каждое воспоминание в проверку на ложь. Если начать разбирать все полтора года, пытаясь определить, когда Олег был со мной искренен, я могу потратить на это остаток собственной жизни.

Я положила тетрадь в сумку.

Перед уходом задержалась у стола, посмотрела на старый календарь и сухой цветок.

В обычный день я бы нашла минуту убрать его и выбросить засохшую землю.

Сегодня сил хватило только выключить свет.

***

Домой я приехала около шести.

Наша квартира находилась в хорошем кирпичном доме недалеко от центра города. Мы купили ее двенадцать лет назад, когда Олег получил очередное назначение и стало ясно, что больше не придется постоянно переезжать.

Раньше у нас были служебные квартиры, съемное жилье, комнаты с чужой мебелью и кухни, где я никак не могла привыкнуть к расположению выключателей.

Поэтому собственный дом долго казался мне настоящим достижением.

Я выбирала обои, заказывала шкафы, спорила с мастерами из-за неровной плитки и подбирала освещение так, чтобы вечером было удобно читать.

Олег занимался деньгами и серьезными вопросами.

Мне нравилось устраивать наш быт. Нравилось возвращаться в знакомые комнаты, покупать красивую посуду, приглашать детей на воскресные обеды.

Я никогда не считала эти заботы унизительными.

Но сегодня, открывая дверь, вдруг подумала, что почти все вещи в квартире выбирала с оглядкой на вкусы мужа.

Мне нравился светлый диван с мягкими подлокотниками. Олег настоял на темно-сером, потому что он практичнее и лучше подходит к кабинету, который мы объединили с гостиной. Я согласилась.

Сейчас диван стоял у окна, как обычно.

На журнальном столике лежали газеты Олега. Возле кресла находились его тапочки. В прихожей висело пальто, которое он не надевал с прошлого сезона.

Все стояло на своих местах, только я больше не понимала, какое место мне отведено среди привычных вещей.

Я сняла туфли и прошла на кухню.

В холодильнике лежала рыба, которую утром достала из морозильника. Я собиралась приготовить ее с овощами, потому что после презентации Олег наверняка будет голодным.

Я открыла контейнер, проверила запах, потом убрала обратно на нижнюю полку.

Готовить для него сегодня я не собиралась.

Для себя сделала бутерброд с сыром и поставила чайник.

Пока вода нагревалась, заметила на кухонном столе список продуктов. Олег написал его вчера вечером на обороте рекламного конверта.

Лимоны, вода, кофе, творог.

Я машинально взяла ручку, чтобы добавить молоко, которого почти не осталось, и только потом остановилась.

Могла бы посмеяться над собой, но смешно не было.

Двадцать семь лет общих привычек не исчезают за один день.

Я отложила список.

Поела стоя возле окна, хотя за большим столом было шесть свободных стульев.

Потом пошла в спальню.

На комоде стояла наша фотография, сделанная на двадцать пятую годовщину свадьбы.

Мы праздновали ее в небольшом ресторане. Кира тогда привезла большой букет белых роз, Денис подарил нам семейный альбом с фотографиями разных лет.

На снимке Олег обнимал меня за талию.

Я улыбалась, чуть повернув к нему лицо.

Помню, как он шепнул:

— Ладочка, еще двадцать пять выдержишь?

Я рассмеялась и ответила, что сначала посмотрю на его поведение.

В тот вечер я была счастлива.

Я взяла фотографию и села на край кровати.

До сегодняшнего дня мне даже не приходило в голову сомневаться в этом воспоминании.

Теперь стало трудно отделить то, что было между нами, от того, что происходило втайне от меня.

С нашей серебряной свадьбы прошло два года.

Значит, когда мы праздновали ее, Олег еще не был с Софьей.

Я неожиданно обрадовалась этой простой арифметике.

По крайней мере, тот вечер оставался нашим.

Потом поняла, до какой степени жалким становится положение женщины, вынужденной вычислять по датам, какие семейные воспоминания еще не испорчены изменой мужа.

Я вернула фотографию на место, открыла шкаф и достала домашнюю одежду.

На полке лежали аккуратно сложенные рубашки Олега.

Одна из них была новой. Я купила ее три недели назад, потому что он пожаловался, что старые стали тесноваты в плечах.

Я вспомнила, как принесла покупку домой.

Он примерил рубашку, подошел к зеркалу и сказал:

— Хорошая. Ты у меня всегда умеешь выбирать.

Я ответила, что за двадцать семь лет уже выучила его размер.

Интересно, покупала ли Софья ему одежду?

Вопрос возник сам собой.

Я раздраженно закрыла шкаф.

Мне предстояло научиться жить с тем, что некоторые ответы никогда не принесут облегчения.

***

Олег приехал в половине девятого.

Я услышала, как в прихожей повернулся ключ, как муж поставил портфель на тумбу и снял обувь.

Обычно он сразу звал меня.

Сегодня некоторое время было тихо.

Потом дверь гостиной открылась.

— Лада?

Я сидела в кресле с книгой, которую за последние полчаса так и не сумела начать читать.

— Здесь.

Олег вошел.

Он уже снял пиджак, ослабил галстук. Вид у него был усталый, но не настолько, чтобы забыть о привычной деловой собранности.

— Ты поела?

— Да.

— Я думал, поужинаем вместе.

— Я не знала, во сколько ты вернешься.

Он кивнул, словно мой ответ был совершенно обычным.

— Презентация затянулась. Потом обсуждали вопросы с инвесторами.

Я ничего не сказала.

Олег посмотрел на книгу у меня в руках.

— Читаешь?

— Пытаюсь.

Он сел на диван напротив.

Некоторое время мы молчали.

За окном проехала машина, и по потолку медленно скользнули полосы света.

Олег положил телефон на стол экраном вниз.

Раньше я не обращала внимания, как он кладет телефон. Теперь заметила — и возненавидела себя за это.

— Лада, — начал он, — нам нужно спокойно поговорить.

Я закрыла книгу.

— Согласна.

Муж заметно расслабился.

— Хорошо. Давай постараемся не наговорить друг другу лишнего. Мы оба сегодня перенервничали.

— Ты перенервничал?

Он посмотрел на меня.

— Я тоже человек.

— Не сомневаюсь.

— Вот видишь, ты опять начинаешь с колкостей.

Я положила книгу на стол.

— Олег, я весь день пытаюсь понять, каким образом ты собирался сохранить наш брак, имея любовницу. И одновременно поставить ее руководить центром, который мы строили вместе. Прости, если мне трудно подобрать подходящий тон.

Он помолчал.

— Я не собирался скрывать все бесконечно.

— Когда планировал рассказать?

— Не знаю. Когда появилась бы возможность нормально обсудить ситуацию.

— За полтора года такой возможности не нашлось?

Олег провел рукой по волосам.

— Мне не нравится, как все получилось.

— Мне тоже.

— Я понимаю, что тебе больно.

— Ты правда понимаешь?

Он посмотрел на меня с усталостью.

— Лада, что ты хочешь услышать? Чтобы я повторял, какой я подлец? Хорошо. Я совершил ошибку. Серьезную. Но я не могу изменить прошлое.

Я внимательно слушала.

Олег всегда умел так выстраивать разговор, что неприятный поступок постепенно превращался в уже состоявшееся обстоятельство, которое всем остальным предлагалось принять.

— А будущее можешь? — спросила я.

— Разумеется.

— Тогда скажи, что собираешься делать с Софьей.

Муж отвел глаза.

— Я пока не принял окончательного решения.

— Понятно.

— Не надо делать выводы раньше времени.

— Ты хочешь сохранить наши отношения, но не готов закончить отношения с ней.

— Я не хочу принимать решение сгоряча.

Я смотрела на него и с трудом узнавала человека, который когда-то гордился собственной прямотой.

Олег не любил неопределенности, когда она касалась других. Дети должны были заранее сообщать, куда собираются. Я обязана была говорить, если задерживалась на работе. Даже отпуск он привык планировать за несколько месяцев.

Но в вопросе собственной любовницы требовал времени и понимания.

— А Софья знает, что ты ничего не решил? — спросила я.

Он поморщился.

— Опять Софья.

— Мне кажется, без нее этот разговор был бы несколько другим.

— Послушай. Я не хочу тебя терять. Ты моя жена. Мы прожили вместе огромную жизнь. У нас дети, дом, общие дела. Неужели все это ничего не значит?

Я опустила глаза на свои руки.

— Значит. Именно поэтому я до сих пор здесь.

Он придвинулся ближе.

— Вот и хорошо. Давай попробуем разобраться. Я понимаю, что тебе нужно время.

— Мне нужно не только время.

— А что еще?

— Правда. И возможность самой решать, что делать дальше.

— Никто тебе не запрещает.

Я посмотрела на него.

— Сегодня я узнала, что меня исключили из руководства медицинским проектом. Решение приняли неделю назад, а меня даже не предупредили. Ты действительно считаешь, что я свободна принимать решения?

Олег откинулся на спинку дивана.

— Мы опять возвращаемся к работе.

— Потому что она никуда не исчезла.

— Лада, я ведь не отнимаю у тебя долю. Сорок процентов компании как были твоими, так и остаются.

— Тогда почему ты не обсудил со мной новую структуру?

— Потому что знал, как ты отреагируешь.

— И решил, что проще поставить перед фактом.

— Я решил, что сначала необходимо закончить организационные вопросы. Софья гораздо лучше тебя разбирается в коммерческом управлении. Она умеет работать с инвесторами, рекламой, договорами. А ты врач. Хороший врач, никто не спорит. Но зачем тебе заниматься тем, что не приносит удовольствия?

Сколько раз за последние годы муж говорил мне, что я должна заниматься только медициной?

При обсуждении расходов на оборудование он просил не вмешиваться в финансовые вопросы. При выборе подрядчика убеждал довериться специалистам. А когда я возражала против рекламных обещаний, которые невозможно было гарантировать пациентам, говорил, что без грамотного продвижения центр не выживет.

Постепенно часть решений действительно перешла к нему.

И теперь он использовал это как доказательство того, что я не умею управлять проектом.

— Я не претендую на должность коммерческого директора, — сказала я. — Но медицинская концепция, подбор специалистов, оснащение кабинетов и организация работы относятся к моей профессии. Именно этим я занималась четыре года.

— И будешь заниматься.

— По приглашению Софьи?

— При необходимости.

— А если мои рекомендации будут ей неудобны?

Олег нахмурился.

— Тогда будете искать компромисс.

— Например, если она решит сократить расходы на оборудование?

— Не передергивай. Никто не собирается экономить на безопасности пациентов.

— Сегодня ты назвал меня консультантом. Даже не руководителем медицинского направления. Просто консультантом, которого привлекают по отдельным поручениям. Я прочитала документы.

Он помолчал.

— Это предварительный вариант.

— Он утвержден неделю назад.

— Управленческая схема — да. А условия твоего участия мы еще можем обсудить.

— Почему мне не предложили обсудить их до презентации?

Олег раздраженно постучал пальцами по подлокотнику.

— Потому что я не хотел устраивать конфликт перед гостями.

— Конфликт возник не из-за того, что я узнала о решении. Он возник потому, что ты принял его без меня.

— Ты все воспринимаешь как личное оскорбление.

Я устало потерла лоб.

Мы словно ходили по одному и тому же коридору, в конце которого каждый раз оказывалась запертая дверь.

— У тебя есть ко мне какие-нибудь претензии как к специалисту? — спросила я.

— Нет.

— Я нарушила сроки? Подвела команду? Сорвала договоренности?

— Нет, Лада. Никто не ставит под сомнение твою квалификацию.

— Тогда почему меня отстранили от работы, которую я выполняла?

Он посмотрел на меня с неожиданной досадой.

— Потому что большой проект требует профессионального управления. И потому что я не хочу, чтобы ты изматывала себя, пытаясь контролировать все подряд.

Я замолчала.

Олег, кажется, действительно верил в собственные слова. От этого становилось страшнее: он мог считать свое мнение важнее моего и искренне оправдывать уже принятое решение.

— Ты обещал Софье долю? — спросила я.

Он посмотрел на меня резко.

— Откуда этот вопрос?

— Просто ответь.

— Мы обсуждали разные варианты мотивации руководства.

— В том числе передачу ей части компании?

— Возможное участие в капитале в будущем. Это нормальная практика.

— Твоей доли?

— Разумеется. Твою никто не трогает.

Я некоторое время молчала.

Итак, дело было даже серьезнее, чем показалось утром.

Софье предлагали не только должность. Олег рассчитывал сделать ее совладелицей дела, ради которого я продала мамину квартиру и четыре года работала почти без выходных.

— Когда вы начали это обсуждать?

— Лада, сейчас нет никакого смысла разбирать каждую рабочую встречу.

— Я спрашиваю, когда.

— Несколько месяцев назад.

— Еще до того, как решил изменить мою должность?

Муж вздохнул.

— Это разные вопросы.

— Для тебя, возможно.

Я поднялась с кресла.

Олег сразу насторожился.

— Куда ты?

— За водой.

На кухне я налила себе воды и долго стояла возле раковины.

Необходимо было привести мысли в порядок.

Мне хотелось сказать ему что-нибудь жестокое. Напомнить, сколько раз я отказывалась от собственных возможностей ради его службы. Перечислить праздники, которые проводила без мужа, детские болезни, переезды, ночи ожидания.

Но я знала, что этот список ничего не изменит.

Олег немедленно составит встречный.

Он тоже работал, уставал, обеспечивал семью, помогал детям, поддерживал мои планы и участвовал в строительстве центра. В споре о том, кто сделал больше, мы могли провести остаток ночи. А мне требовалось понять, что теперь делать.

Когда я вернулась в гостиную, Олег стоял у окна.

— Я не хочу разводиться, — сказал он, не оборачиваясь.

Я остановилась.

— А я пока не знаю, могу ли оставаться твоей женой.

Он повернулся.

— Это из-за Софьи?

— Ты правда считаешь, что дело только в ней?

— Если бы у нас не было этой ситуации, ты бы сейчас не говорила о разводе.

— Если бы у нас не было этой ситуации, я бы сегодня выступала на презентации, а вечером готовила нам ужин.

Олег промолчал.

Я села за стол, достала из сумки блокнот и ручку.

— Мне нужны копии корпоративных документов. Решения о назначении Софьи, описание ее полномочий, действующие договоренности с инвесторами в той части, с которой я имею право ознакомиться как участник общества. И документы, касающиеся моего дальнейшего участия в проекте.

Муж недоверчиво посмотрел на блокнот.

— Ты сейчас собираешься писать официальное заявление?

— Если понадобится.

— Лада, не делай глупостей.

— Я пытаюсь разобраться в собственных правах. Это не глупость.

— Никто ничего у тебя не отбирает.

— Тогда тебе не составит труда предоставить документы.

Он взял со стола телефон.

— Хорошо. Завтра попрошу секретаря подготовить материалы.

— Не подборку, которую сочтут нужным мне показать. Я хочу понимать, какие решения действительно приняты.

— Ты мне больше не доверяешь?

Вопрос прозвучал неожиданно.

Я подняла голову.

Олег смотрел на меня почти с обидой.

Несколько секунд я пыталась подобрать ответ, который не превратит разговор в очередную ссору.

Потом поняла, что подходящего ответа не существует.

— Нет, — сказала я. — Сейчас не доверяю.

Он отвернулся.

Я увидела, как напряглась его спина.

Муж привык, что в нашем доме ему доверяют. Даже когда спорят с его решениями, даже когда не согласны с ним, в конечном счете рассчитывают на его порядочность.

Я тоже рассчитывала.

Сегодня мне впервые пришлось признать, что этого основания больше нет.

***

Ночевать я решила в гостевой комнате.

Олег не возражал, хотя, судя по выражению его лица, считал происходящее временной демонстрацией обиды.

Когда я собирала вещи, он появился в дверях спальни.

— Тебе обязательно уходить в другую комнату?

— Да.

— Мы ведь можем просто лечь спать. Завтра поговорим спокойнее.

Я вытащила из шкафа домашний халат.

— Не можем.

— Лада, я же не собираюсь тебя трогать.

Мне стало неприятно от того, что он свел мой отказ спать рядом с ним к вопросу физической близости.

— Я знаю.

— Тогда зачем это все?

Я закрыла шкаф.

— Мне сейчас трудно находиться рядом с тобой.

Он некоторое время стоял молча.

Потом сказал:

— Хорошо. Как знаешь.

Я прошла мимо него с вещами.

В гостевой комнате было прохладно. Мы редко пользовались ею после того, как дети стали жить отдельно. Иногда здесь оставались Кира или Денис, когда приезжали на выходные, а чаще комната служила дополнительным местом для хранения.

На диване лежал сложенный плед.

Я достала постельное белье, расправила простыню, повесила полотенце в ванной.

Обычные действия немного успокаивали.

Перед сном открыла синюю тетрадь.

На последней странице находилась запись, сделанная уже после того, как мама стала увереннее ходить.

«В субботу попробуем выйти в парк, если не будет дождя».

Мы действительно вышли.

Очень медленно дошли до первой скамейки, посидели, посмотрели на голубей. Мама жаловалась, что дорожки стали хуже, чем раньше, а потом попросила купить ей мороженое.

Я купила два стаканчика пломбира.

Она съела свой с удовольствием, хотя перед этим уверяла, что сладкого совершенно не хочет.

Олега рядом с нами тогда не было: опять возникли служебные дела. Так происходило часто.

Я занималась повседневными заботами, он решал большие вопросы.

Мы считали это нормальным распределением обязанностей.

В какой момент оно превратилось в право одного человека распоряжаться жизнью другого?

Я закрыла тетрадь.

За стеной послышались шаги.

Олег прошел по коридору, остановился возле двери, но стучать не стал.

Через некоторое время я услышала, как он ушел в спальню.

Я выключила свет.

Сон не приходил.

Долго лежала, прислушиваясь к шуму отопления и редким машинам за окном. Несколько раз тянулась к телефону, собираясь позвонить дочери, но каждый раз останавливалась.

Мне не хотелось сообщать Кире о разводе раньше, чем я сама пойму, что собираюсь делать.

Однако слово уже появилось в моей голове.

Развод.

Еще вчера оно казалось чужим, относящимся к знакомым, пациентам, случайным людям.

Сегодня я мысленно примеряла его к собственной жизни.

Лада Корнеева. Сорок девять лет. Врач. Двое взрослых детей.

Разводится с мужем после двадцати семи лет брака.

Я повернулась на бок.

За всю ночь так и не заплакала — наверное, еще не успела по-настоящему осознать случившееся.

Мне казалось, что чувства отстают от событий. Я уже знала правду, уже разговаривала с мужем, уже собиралась выяснять судьбу компании, но внутри все еще жила женщина, которая утром готовилась к презентации и выбирала, какие серьги лучше подходят к ее костюму.

Эта женщина не знала о Софье.

И я почему-то жалела ее больше, чем себя нынешнюю.

***

Утром меня разбудил запах кофе.

Несколько секунд я не могла понять, почему сплю на диване.

Потом увидела гостевую комнату, раскрытую сумку возле кресла и синюю тетрадь на прикроватной тумбе.

Воспоминания вернулись сразу.

Я посмотрела на часы.

Без двадцати восемь.

Олег обычно вставал раньше меня, даже когда ему не нужно было никуда ехать. Долгие годы службы оставили привычку просыпаться без будильника, аккуратно складывать одежду и завтракать в определенное время.

Я умылась, оделась и вышла на кухню.

Муж сидел за столом с чашкой кофе и просматривал новости на планшете.

Увидев меня, отложил его.

— Доброе утро.

— Доброе.

— Кофе будешь? Я сварил.

— Спасибо. Сама налью.

Он кивнул.

На столе лежал свежий хлеб, сыр, масло и небольшая тарелка с нарезанными помидорами.

Олег приготовил завтрак.

За все годы брака он делал это нечасто, но умел. Особенно любил готовить кофе и потом спрашивать, достаточно ли крепким он получился.

Я налила себе кофе и села напротив. Некоторое время мы молча завтракали. О вчерашнем не говорили: муж подвинул ко мне хлеб, я автоматически передала ему сахарницу.

Когда поняла, что сделала, мне стало не по себе.

Олег, кажется, обрадовался этой обычности.

— Я подумал, — сказал он, — может, сегодня поужинаем где-нибудь вдвоем? Без разговоров о работе. Нам давно нужно было выбраться.

Я поставила чашку.

— Олег, вчера ты признался, что полтора года изменял мне с Софьей.

Он поморщился.

— Я помню.

— И сегодня предлагаешь поужинать в ресторане?

— Я пытаюсь наладить отношения.

— Для начала стоило бы решить, собираешься ли ты прекращать отношения с ней.

Муж опустил глаза к тарелке.

— Не будем начинать с утра.

Я невольно усмехнулась.

— А когда подходящее время? Ты вчера сказал, что поговорим сегодня. Сегодня уже наступило.

— Я просто не хочу снова ругаться.

— Мне тоже не хочется.

Он отодвинул тарелку.

— Хорошо. Чего ты от меня ждешь прямо сейчас?

— Честности. И документов, о которых мы говорили.

— С документами разберемся. Я дал поручение.

— Спасибо.

— А что касается Софьи, мне действительно нужно время.

Я кивнула и больше не стала спрашивать. Допила кофе и встала.

— Сегодня займусь своими делами. Возможно, поеду к юристу.

Олег поднял голову.

— Зачем тебе юрист?

— Хочу получить консультацию.

— Лада, я могу попросить нашего корпоративного юриста все объяснить.

— Мне нужен независимый специалист.

— Ты считаешь, что я собираюсь тебя обмануть?

Я посмотрела на него.

— Вчера я узнала о полутора годах твоей измены и о документах, которые подготовили без моего ведома. Как ты думаешь, почему мне нужен независимый юрист?

Олег отвернулся.

Впервые он не попытался возразить.

Я вышла из кухни.

Собиралась переодеться, забрать документы из домашнего кабинета и уехать.

Но прежде чем успела открыть шкаф, услышала звонок в дверь.

***

Денис вошел шумно, как всегда.

— Мам, привет! Папа дома?

Он был в темной куртке, с рюкзаком через плечо. Снял куртку и повесил ее в прихожей. Волосы растрепались от ветра, на щеке краснела полоска от шарфа.

Сын недавно подстригся почти так же коротко, как отец в молодости. Олег одобрил его решение, а я сказала, что теперь они еще больше похожи.

Денис засмеялся и ответил, что надеется унаследовать от отца не только прическу.

Сегодня эта шутка вспомнилась некстати.

— Дома, — сказала я. — Завтракает.

— Отлично. Мне надо забрать папку с документами для фонда. Папа вчера сказал, что оставил ее в кабинете.

Он наклонился, чтобы поцеловать меня в щеку.

Я обняла сына чуть крепче обычного.

Денис удивился.

— Мам, ты чего?

— Ничего. Рада тебя видеть.

Он внимательно посмотрел на меня.

— Ты плохо спала?

— Немного.

— А что случилось?

Я не успела ответить.

Из кухни вышел Олег.

— Денис, привет. Рано ты сегодня.

— У меня к одиннадцати встреча. Заберу папку и поеду.

Муж кивнул.

— В кабинете, на столе. Синяя.

Сын направился в сторону комнаты, которую Олег использовал для работы.

По дороге оглянулся.

— Кстати, пап, поздравляю с презентацией. Фотографии видел. Все очень солидно получилось.

— Спасибо.

— Софья Павловна в соцсетях выложила. Там прямо как настоящий медицинский комплекс.

Я почувствовала, как напряглись плечи.

Олег заметил.

— Еще не открылся, — сказал он сыну. — Работы достаточно.

— Ну все равно круто. Мам, а ты чего на фотографиях почти нигде нет? Я тебя только на общей нашел, и то сбоку.

Я посмотрела на мужа.

Он стоял у дверей кухни.

— Организаторы изменили программу, — ответила я.

— А, понятно.

Денис уже собирался идти дальше, но Олег сказал:

— Мама немного расстроилась из-за перераспределения обязанностей. Мы сейчас это обсуждаем.

Я медленно повернулась к нему.

— Олег.

Он посмотрел на меня.

— Что?

— Не нужно объяснять за меня, почему я расстроилась.

Денис остановился.

— Подождите. Что случилось?

— Ничего, с чем бы мы не разобрались, — ответил отец.

Мне хотелось остановить его. Он снова решал за меня, какие обстоятельства существенны, а какие можно не упоминать.

— Ты уже объяснил Денису, что между нами произошло? — спросила я.

Олег нахмурился.

— Лада, не сейчас.

Сын переводил взгляд с одного на другого.

— Вы поссорились?

— Да, — ответила я.

— Из-за центра?

Муж слегка развел руками.

— В том числе.

Я посмотрела на него.

Он не лгал напрямую, но выбирал ту часть правды, которая позволяла представить происходящее обычным рабочим конфликтом.

— Мама считает, что ее отстранили от управления медицинской программой, — продолжил Олег. — Хотя никто не собирается отстранять ее от самой медицины. Я пытаюсь объяснить, что организация большого центра требует другого подхода.

Денис нахмурился.

— Мам, так ты же сама говорила, что устала от стройки.

— Говорила.

— Ну вот. Может, действительно лучше, чтобы кто-то другой занимался организацией?

Я посмотрела на сына.

Похоже, он принял объяснение отца и пытался найти разумное решение.

Еще вчера я, возможно, стала бы подробно рассказывать, почему медицинская программа не сводится к консультациям.

Сегодня спор о должностях показался мне второстепенным.

— Денис, дело не только в центре.

Он заметно насторожился.

— А в чем еще?

Олег шагнул вперед.

— Лада, давай договоримся, что детей не будем втягивать.

Я повернулась к нему.

— Ты уже начал рассказывать ему свою версию.

— Я ничего плохого не сказал.

— Ты сказал, что мы поссорились из-за перераспределения обязанностей.

— Потому что это правда.

— Не вся.

Денис раздраженно выдохнул.

— Вы можете нормально объяснить? Я вообще ничего не понимаю.

Я посмотрела на сына.

Двадцать один год.

Уже взрослый мужчина, хотя для меня он еще совсем недавно был мальчишкой, который приходил домой с разбитыми коленями и просил не рассказывать папе о двойке по математике.

Мне хотелось защитить его от сегодняшней правды.

Но я не могла сделать это, продолжая поддерживать ложь.

— У папы отношения с другой женщиной, — сказала я.

Денис несколько секунд неподвижно смотрел на меня.

— Что?

— Отец изменяет мне. Уже полтора года.

Олег резко произнес:

— Лада!

Я даже не повернула головы.

Сын медленно посмотрел на него.

— Пап?

Муж сжал губы.

— Денис, это наш личный вопрос.

— Это правда?

— Да.

В прихожей стало тихо.

Денис опустил рюкзак на пол.

Я видела, как у него меняется лицо. Сначала недоумение, затем растерянность, потом злость.

Но злость оказалась направлена не туда, куда я ожидала.

— И вы мне сейчас это рассказываете? — спросил он.

— Я не собиралась обсуждать это с тобой в прихожей, — ответила я. — Но твой отец начал объяснять наш конфликт так, будто речь идет только о моей должности.

Денис потер лоб.

— Подождите. То есть вы разводитесь?

Я не сразу ответила.

— Я пока принимаю решение.

— Из-за этого?

Олег сказал:

— Мы еще ничего не решили.

Сын посмотрел на него.

— А кто она?

Муж молчал.

Денис перевел взгляд на меня.

Я поняла, что он уже догадывается.

— Софья? — спросил он.

Олег не ответил.

Денис выругался.

Не громко, почти себе под нос.

Потом подошел к окну.

— Да вы издеваетесь, — сказал он. — Я вчера людям фотографии показывал. Всем рассказывал, что папа наконец центр открывает. А вы...

Он оборвал себя.

Я подошла ближе.

— Денис, тебе не нужно сейчас ничего решать.

— А я и не собираюсь!

Он повернулся.

— Вы хоть понимаете, как это выглядит? Столько лет вместе, общий бизнес, все нормально было. И вдруг такое.

— Для меня это тоже не было ожидаемым событием.

— Мам, я не об этом.

— А о чем?

Он поднял рюкзак с пола и сжал ремень.

— Я не знаю. Просто... может, не стоит сразу все разрушать?

Эти слова больно задели меня.

Не потому, что сын защищал отца.

Скорее потому, что в них отразилось все то, чем я сама оправдывала многие неприятные вещи в нашем браке.

Сохранить семью, не выносить ссор, подождать, дать человеку возможность исправиться.

— Денис, — сказала я, — я не принимала решение об измене. И не назначала любовницу руководить проектом, который создавала вместе с твоим отцом.

— Но ты ведь можешь с ним поговорить.

Я посмотрела на Олега.

Он стоял молча.

Похоже, ему было удобно, что теперь необходимость сохранить семью объяснял наш сын.

— Мы уже разговаривали, — ответила я.

— И что?

— Папа не знает, собирается ли прекращать отношения с Софьей.

Денис резко повернулся к отцу.

— Серьезно?

Олег нахмурился.

— Я не собираюсь обсуждать с тобой подробности наших отношений.

— Ты сам хотел, чтобы я помогал тебе с фондом, знакомил с людьми, ездил на мероприятия. Я с ней несколько раз сидел за одним столом!

— Денис.

— И все знали?

— Никто ничего не знал, — жестко ответил отец. — По крайней мере, я не делал из личной жизни публичного вопроса.

Сын коротко рассмеялся.

— Отлично.

Он закинул рюкзак на плечо.

— Я поеду.

— Папка в кабинете, — напомнил Олег.

— Не нужна мне сейчас твоя папка.

Денис направился к двери.

Я пошла следом.

— Сынок.

Он остановился, но не обернулся.

— Мам, пожалуйста, не надо.

Я опустила руку, которой хотела коснуться его плеча.

— Хорошо.

Он быстро надел куртку, открыл дверь и вышел.

Через несколько секунд послышались шаги на лестнице.

Олег остался в гостиной.

Я закрыла дверь.

Вернувшись, увидела, что муж стоит у окна и смотрит во двор.

— Зачем ты это сделала? — спросил он.

Я не сразу поняла.

— Что именно?

— Зачем рассказала Денису? Можно было подождать, пока мы сами разберемся.

— Ты начал объяснять ему, будто я обиделась из-за должности.

— Я пытался не травмировать сына.

— И поэтому рассказал только ту часть истории, которая выгодна тебе?

Олег повернулся.

— Ты не думаешь, что у него сейчас сессия, планы на работу, свои проблемы? Зачем было сваливать все на него?

— Я не просила его выбирать между нами.

— Но именно это и получилось.

Я смотрела на мужа и вдруг почувствовала невероятную усталость.

Теперь ответственной за реакцию сына должна была стать я — потому что произнесла правду.

— Денис взрослый, — сказала я. — Ему понадобится время. И он имеет право сам решить, как к этому относиться.

— Только не надо теперь настраивать его против меня.

Я медленно покачала головой.

— Ты мог сам рассказать ему раньше, Олег. У тебя было полтора года, чтобы разобраться со своей жизнью. Но теперь виновата я, потому что не захотела поддерживать твою версию?

Муж раздраженно отвернулся.

— С тобой сегодня невозможно разговаривать.

Я не стала отвечать.

Кажется, мы действительно больше не умели.

***

В обед я позвонила Тамаре.

Она ответила не сразу. На заднем плане что-то громко двигали, кто-то ругался из-за неправильно установленной полки.

— Лада Олеговна, здравствуйте! Вы сегодня приедете?

— Нет. Хотела кое-что уточнить. Кто сейчас отвечает за подготовку медицинских кабинетов?

— В смысле?

— Кто согласовывает изменения, принимает оборудование, проверяет комплектацию?

Тамара помолчала.

— Софья Павловна сказала, что теперь все вопросы через нее. Она назначила координатора, молодого парня. Он раньше в строительной компании работал.

— А медицинскую часть кто проверяет?

— Пока непонятно. Вчера говорили, что вы будете консультировать.

Я прикрыла глаза.

— Тамара, не принимайте никаких решений, которые выходят за пределы вашей компетенции. Если возникают вопросы по оснащению, пусть администрация оформляет их через ответственных специалистов.

— Я и сама понимаю. Просто вчера мне дали новый список расходников, а там половину позиций сократили. Я спросила почему. Сказали, что будем обсуждать после презентации.

— Список у вас остался?

— Конечно.

— Хорошо. Только не надо мне ничего пересылать неофициально. Я пока не понимаю, какие у меня полномочия, и не хочу ставить вас в неудобное положение.

Тамара вздохнула.

— Лада Олеговна, что вообще происходит?

Я посмотрела на синюю тетрадь, лежавшую рядом с ноутбуком.

— Я сама пытаюсь разобраться.

Она помолчала.

— Я ведь ради вас сюда пришла.

Эти слова оказались неожиданно тяжелыми.

Тамара несколько лет работала в большом государственном учреждении. У нее было стабильное место, опытная команда и привычное расписание.

Я долго уговаривала ее перейти в будущий центр.

Обещала, что мы сможем построить работу иначе, без бесконечной бюрократии, которая отнимала у персонала время.

Она согласилась.

И теперь я не знала, что ей сказать.

— Тамара, — произнесла я, — вы пришли не только ради меня. Мы собирались создать хорошее место для пациентов. Этот план никто не отменял. Но если вас заставляют принимать решения, которые вы считаете неправильными, не соглашайтесь молча.

— А вы?

Я посмотрела в окно.

— Я пока не знаю, останусь ли в проекте.

На том конце долго молчали.

Потом Тамара тихо сказала:

— Понятно.

— Мне жаль.

— Да бросьте. Вы же не специально все это устроили.

Мне хотелось рассказать ей об Олеге и Софье.

Объяснить, почему не могу больше заходить в здание, в котором еще вчера чувствовала себя почти дома.

Но я остановилась.

Тамара не обязана была становиться участницей моего семейного конфликта.

— Берегите себя, — сказала я. — И не подписывайте документы, с которыми не согласны.

— Вы тоже, Лада Олеговна.

Я завершила звонок.

После него стало особенно ясно, что речь идет не только обо мне.

За четыре года мы успели вовлечь в проект множество людей.

Врачи меняли планы, рассчитывая на будущую работу. Подрядчики закупали материалы. Сотрудники фонда рассказывали о центре потенциальным партнерам. Тамара готовилась уйти с прежнего места.

Нельзя было просто хлопнуть дверью и сделать вид, что происходящее никого больше не касается.

Но и оставаться ради них, соглашаясь со всеми решениями Олега, я не могла.

Нужно было найти другой способ защитить свои интересы, не причиняя вреда тем, кто ни в чем не виноват.

Я открыла ноутбук и создала документ «Вопросы для юриста». Начала записывать все, что знала о компании: доли, договор займа, даты перечисления денег, обязательства, которые мы обсуждали с Олегом, предварительные соглашения с подрядчиками.

Отдельно составила перечень документов, которые хотела получить.

Некоторые я хранила у себя, потому что участвовала в их подготовке.

Другие находились в корпоративном архиве.

Мне предстояло понять, как правильно запросить их, не превращая этот процесс в бессмысленную войну.

Когда я закончила, за окном уже начало темнеть.

И только тогда заметила, что с завтрака ничего не ела.

***

Кира позвонила около семи.

Ее фотография появилась на экране. По первым словам я поняла, что дочь уже знает о происходящем.

Обычно она звонила после работы с каким-нибудь конкретным вопросом. Спрашивала рецепт, советовалась по поводу подарка подруге, рассказывала о неудачных клиентах.

Сегодня вместо приветствия услышала:

— Мам, ты дома?

— Да.

— Одна?

Я посмотрела на дверь гостиной.

Олег уехал несколько часов назад. Сказал, что ему нужно встретиться с кем-то из руководства фонда.

Я не спросила, с кем именно.

— Сейчас одна.

— Я могу приехать.

— Кира, у тебя свои дела.

— Я спросила не об этом.

Я села на диван.

У дочери был характер отца. Когда она считала вопрос важным, уклончивые ответы раздражали ее.

— Если хочешь, приезжай, — сказала я.

— Денис мне звонил.

Я закрыла глаза.

— Понимаю.

— Он был сам не свой. Сказал, что вы с папой разводитесь. И что папа... Мам, это правда?

— Да.

Кира тяжело выдохнула.

— Господи.

Я слышала, как она ходит по комнате.

Потом что-то звякнуло, наверное, ключи, которые дочь бросила на стол.

— Сколько это продолжается?

— Полтора года.

— Полтора?

— Да.

— И ты узнала только вчера?

— Вчера он признался.

Кира замолчала.

Наверное, она тоже сопоставляла даты: годовщины, семейные ужины, дни рождения, поездки к родственникам.

Вся наша жизнь за последние полтора года теперь требовала нового объяснения.

— Это Софья? — спросила дочь.

— Да.

— Я так и знала.

Я выпрямилась.

— Что именно ты знала?

— Не то чтобы знала. Просто... Мам, я видела их вместе несколько раз. На мероприятиях фонда. Она постоянно была рядом с папой. Я тогда подумала, что он нашел себе очень старательную сотрудницу.

Дочь горько усмехнулась.

— Какая же я дура.

— Кира, ты не могла знать.

— Да могла я хотя бы обратить внимание!

— Ты не обязана следить за личной жизнью собственного отца.

Она ничего не ответила.

Потом спросила:

— А ты замечала?

Я посмотрела на кухонный стол, где по-прежнему лежал список продуктов Олега.

— Некоторые вещи казались странными. Но я находила им объяснения.

— Какие?

— Он чаще задерживался. Иногда уходил разговаривать по телефону в другую комнату. Стал меньше рассказывать о работе. Я думала, что он устает, переживает из-за центра.

— Мам...

— У нас действительно было мало времени друг для друга, Кира. Я тоже работала. Наверное, мне было удобно считать, что все нормально.

Дочь некоторое время молчала.

— Только не начинай сейчас винить себя.

— Я пытаюсь понять, как могла не заметить.

— Он же специально скрывал.

Я вспомнила фотографию с нашей серебряной свадьбы.

— Да. Скорее всего, именно так.

Кира шумно выдохнула.

— Я к нему поеду.

— Зачем?

— Поговорю.

— О чем?

— Не знаю. Скажу, что думаю о нем.

Я представила, как дочь приезжает в офис Олега, как он встречает ее привычным строгим взглядом, как они начинают спорить.

И поняла, что не хочу этого.

По крайней мере, сегодня.

— Кира, не нужно делать это ради меня.

— Мам, он тебя предал!

— Я знаю.

— Так почему ты его защищаешь?

— Я не защищаю. Просто не хочу, чтобы ты чувствовала обязанность ненавидеть собственного отца.

Дочь долго молчала.

Потом тихо сказала:

— А ты его еще любишь?

От неожиданности я не смогла сразу ответить.

Вчера, когда Олег говорил о Софье, мне хотелось заявить, что больше никогда не смогу смотреть на него как прежде.

Сегодня я понимала, что все сложнее.

Любовь не исчезает мгновенно только потому, что человек совершил отвратительный поступок.

Можно испытывать отвращение к его поведению и одновременно помнить, как он держал тебя за руку в трудный день.

Можно злиться, не доверять, мечтать уйти и все равно чувствовать боль от мысли, что больше не будет привычного голоса рядом.

Я не знала, как объяснить это дочери.

— Не могу сейчас ответить, — сказала я наконец.

— Понимаю.

— Я не собираюсь делать вид, что ничего не произошло.

— И правильно.

— Но мне нужно немного времени, чтобы разобраться с собой.

Кира вздохнула.

— Хорошо. Только пообещай, что не будешь все это переживать одна.

Я посмотрела на пустое кресло напротив.

— Постараюсь.

— Мам, я серьезно.

— Знаю.

Дочь ненадолго замолчала.

Потом спросила:

— А с центром что? Денис сказал, что папа поставил Софью руководить.

Я рассказала ей о презентации, о новой должности и о том, как Софья использовала историю моей матери.

Когда дошла до школьной тетради, голос неожиданно дрогнул.

Кира не перебивала.

Только после долгой паузы спросила:

— Он позволил ей рассказать про бабушку?

— Да.

— Мам, это же...

Она не закончила.

Мне самой не хватало слов.

— Я думала, они просто пересмотрели управление, — продолжила дочь. — Но использовать бабушкину историю...

— Не только историю. Часть моего выступления. Я отправила его папе накануне.

Кира выругалась.

Она редко позволяла себе грубые слова при мне, но сейчас я даже не стала ее одергивать.

— Я ведь помогала вам с презентациями в прошлом году, — сказала она. — Помню, как ты объясняла все эти схемы. Ты тогда не спала ночами, потому что подрядчики опять неправильно рассчитали проходы.

— Помню.

— И теперь какая-то Софья рассказывает, что придумала концепцию?

— Судя по опубликованным материалам, именно так.

— Ты сохранила старые версии?

Я задумалась.

— Часть точно есть у меня. Остальное в рабочих папках компании.

— Проверь доступ. И сохрани свои документы, если они у тебя есть законно. Не удаляй ничего.

Я невольно улыбнулась.

— Кира, ты сейчас разговариваешь как юрист.

— Нет. Просто знаю, как иногда бывает с общими проектами. Люди меняют подписи, а потом все делают вид, что так и было.

Она помолчала.

— Приехать?

На этот раз я ответила иначе.

— Не сегодня, милая. Я очень устала.

— Хорошо. Но завтра я позвоню.

— Договорились.

— Мам?

— Да?

— Ты ведь понимаешь, что не обязана возвращаться к папе только потому, что вы долго прожили вместе?

Я посмотрела в окно.

На улице шел мелкий снег.

— Пока я пытаюсь понять, что вообще мне теперь делать.

— Ладно. Только не принимай решение из страха.

После разговора я еще долго сидела с телефоном в руках.

Кира была права во многом.

Но она не знала, насколько трудно оказалось представить собственную жизнь без Олега.

Двадцать семь лет я строила планы, в которых он присутствовал почти автоматически.

Отпуск, ремонт, покупка машины, будущие праздники. Даже старость.

Я представляла, что когда-нибудь мы закончим работать, уедем в небольшой дом за городом, будем спорить о том, какие деревья посадить возле террасы.

Олег мечтал о мастерской и хорошем автомобиле, который можно будет чинить ради удовольствия, а не потому, что он сломался.

Я хотела сад и библиотеку с большим креслом возле окна.

Мы разговаривали об этом прошлой весной.

Значит, в то время у него уже была Софья.

Я отложила телефон и почувствовала, что больше не хочу вспоминать.

***

Олег вернулся после десяти.

Я сидела за ноутбуком в гостиной.

Он заглянул в комнату, увидел открытые документы и спросил:

— Ты еще работаешь?

— Да.

Муж подошел к столу.

— Что делаешь?

— Собираю сведения по компании.

Он посмотрел на экран.

— Лада, зачем тебе сейчас этим заниматься? Я же сказал, что документы готовят.

— Я хочу подготовиться к разговору с юристом.

— Ты все-таки решила идти?

— Да.

Олег сел напротив.

— Могу я хотя бы узнать, что именно ты собираешься оспаривать?

— Пока ничего. Сначала хочу понять, какие у меня есть права и обязательства.

— Я ведь сказал, что никто не собирается отбирать твою долю.

— А я не сказала, что собираюсь отбирать твою.

Он помолчал.

— Ты же понимаешь, что деньги, которые вложены в компанию, сейчас работают? Мы не можем просто взять и вернуть тебе все восемь миллионов.

— Я и не требую, чтобы ты завтра принес деньги наличными.

— Тогда зачем юрист?

Я закрыла ноутбук.

— Потому что теперь наши интересы не совпадают. И мне нужен человек, который будет представлять мои, а не твои.

Муж долго смотрел на меня.

— Никогда не думал, что мы дойдем до этого.

Мне захотелось сказать, что я тоже.

Но он произнес эти слова так, будто именно мое обращение к юристу стало причиной происходящего.

Я не стала поддерживать этот разговор.

— Денис тебе звонил? — спросила я.

Олег кивнул.

— Да.

— Как он?

— Расстроен. Сказал, что ему нужно время.

— Понимаю.

Муж внимательно посмотрел на меня.

— Ты могла бы хотя бы объяснить ему, что наши семейные вопросы не должны влиять на его отношения со мной.

— Могла бы. И объясню, если он захочет поговорить.

— Хорошо.

Олег поднялся.

У дверей остановился.

— А Кира?

— Она тоже знает.

Он потер переносицу.

— Прекрасно.

Я подняла голову.

— Что?

— Ничего. Просто за один день ты поставила детей перед фактом, что их родители могут развестись. Я надеялся, мы сначала разберемся сами.

— Олег, дети узнали потому, что случилось то, что случилось. Не потому, что я решила испортить вам отношения.

Он смотрел на меня несколько секунд.

Потом тихо сказал:

— Ты всегда умела подобрать слова так, чтобы я оказался виноват во всем.

Я почувствовала, что снова начинаю сердиться.

— Сейчас ты действительно виноват, — ответила я. — И мне не нужно ничего подбирать.

Муж вышел.

Через несколько минут хлопнула дверь спальни.

Я осталась в гостиной.

Не испытывала ни удовлетворения от последней реплики, ни желания догнать его и продолжить ссору.

Мне хотелось закончить работу, принять душ и попытаться уснуть.

Я снова открыла ноутбук.

В списке недавних документов находилась рабочая папка медицинского центра.

Я собиралась проверить старые версии презентаций.

Открыла ссылку.

На экране появилось сообщение:

«У вас нет доступа к этому ресурсу».

Я подождала немного и попробовала снова, но доступ по-прежнему был закрыт.

Тогда открыла другую ссылку — на папку с медицинскими программами.

То же сообщение.

Я проверила подключение к интернету.

Все работало.

Открывались университетская почта, личные документы, сайты, которые я посещала днем.

Но корпоративные материалы «Рубежа» были недоступны.

Я попробовала войти через рабочую учетную запись.

Система сообщила, что доступ приостановлен администратором.

Несколько секунд я смотрела на экран.

Возможно, произошла техническая ошибка. Вчера проходила презентация, сотрудники меняли структуру папок, переносили материалы. Не исключено, что кто-то случайно ограничил доступ сразу нескольким людям.

Я открыла почту.

В папке с уведомлениями находилось письмо от службы администрирования корпоративных ресурсов.

Отправлено позавчера, в 18:42.

Тема: «Изменение прав доступа».

Я открыла сообщение.

«Уважаемая Лада Олеговна!

В связи с утверждением обновленной организационной структуры проекта "Рубеж" сообщаем об изменении уровня доступа к корпоративным информационным ресурсам.

С указанного времени доступ к рабочим папкам медицинской программы и материалам подготовки проекта приостановлен.

При необходимости получения документов просим направлять официальный запрос руководству организации».

Ниже стояла стандартная подпись администратора.

Я перечитала письмо и проверила дату. Среда, накануне презентации. В тот вечер Олег попросил прислать окончательный вариант выступления. Я собиралась закончить работу к восьми и спрашивала, купить ли ему хлеба.

К тому времени мой доступ к рабочим материалам уже закрыли.

Я откинулась на спинку кресла.

Я узнала обо всем вчера утром, когда увидела стенд. Но меня отстраняли постепенно: сначала утвердили новую структуру, потом закрыли доступ к материалам.

Пока я согласовывала перечень оборудования, подбирала специалистов, спорила с подрядчиками и готовила медицинскую программу, кто-то уже составлял порядок моей замены.

Я вспомнила, как Олег вечером говорил, что не хотел устраивать конфликт перед гостями.

Похоже, ему было нужно, чтобы я продолжала работать до последнего дня, не зная, что мое дальнейшее участие в проекте уже решили ограничить.

Я открыла личную папку с документами.

Там сохранились договор займа, банковские подтверждения перечислений и несколько ранних версий медицинской концепции.

На одной из них стояла дата четырехлетней давности.

Тогда мы с Олегом еще только обсуждали создание центра.

Я открыла файл.

На первой странице находилось рабочее название:

«Второй шаг. Концепция организации медицинской реабилитации».

Ниже я написала собственную фамилию.

Лада Корнеева.

Я долго смотрела на нее.

За последние годы название изменили, здание перестроили, финансовая модель стала сложнее, появились инвесторы, сотрудники, подрядчики.

Софья получила руководящую должность.

Олег решил, что может распоряжаться всем этим без меня.

Но четыре года назад, когда я составляла первый вариант концепции, ни Олег, ни Софья не сидели рядом со мной.

Я сама искала информацию, рассчитывала потребности, консультировалась с коллегами.

И сама решила, что хочу создать медицинский центр.

Я закрыла документ.

Потом вернулась к списку вопросов для юриста и добавила новый пункт.

«Кто и на каком основании ограничил мой доступ к документам компании?»

Под ним написала еще один:

«Какие решения были приняты до моего уведомления?»

Я уже собиралась выключить ноутбук, когда услышала шаги в коридоре.

Олег появился в дверях в домашней футболке.

— Ты еще не ложишься?

Я подняла глаза.

— Ты распорядился отключить меня от рабочих папок?

Он остановился.

— Каких папок?

— Медицинская программа. Материалы подготовки. Корпоративный архив.

Муж нахмурился.

— Я лично никого не отключал. Наверное, администраторы пересмотрели права доступа после изменения структуры.

— Накануне презентации?

Он посмотрел на часы.

— Возможно.

— Ты знал?

Олег помолчал.

— Лада, раз мы меняем распределение обязанностей, естественно, меняется и доступ к информации. Это нормальная практика.

— Я участник компании.

— И никто не запрещает тебе запрашивать необходимые документы. Просто рабочие материалы не должны находиться в доступе у всех подряд.

Я медленно закрыла крышку ноутбука.

— У всех подряд?

Он сразу понял, что сказал не то.

— Я не это имел в виду.

— А что?

— Ты больше не занимаешься ежедневным управлением проектом. Не вижу смысла оставлять прежние права доступа.

Я посмотрела на него.

На человека, который двадцать семь лет называл меня женой.

Он благодарил меня за поддержку, просил прислать выступление и обещал после открытия центра съездить отдохнуть.

— Олег, когда ты решил, что я больше не буду заниматься проектом?

Он устало выдохнул.

— Мы уже говорили об этом.

— Нет. Ты сказал, что структура изменилась несколько недель назад. Но доступ отключили еще до презентации, а документы подготовили раньше. Когда именно ты решил меня отстранить?

Муж молчал.

Я ждала.

Он наконец произнес:

— Мы с Софьей начали обсуждать изменения еще осенью. Тогда стало ясно, что центр требует другого управления.

Осенью.

Я вспомнила сентябрь.

Мы с Олегом ездили смотреть мебель для кабинетов. Потом обедали в небольшом ресторане, который он любил за хорошую кухню и спокойную обстановку.

Он тогда говорил, что гордится мной.

Что осталось немного потерпеть и моя мечта наконец осуществится.

А сам уже обсуждал с любовницей, как изменить мое положение.

Я медленно встала.

— Ты мог сказать мне тогда.

— Я хотел сначала все продумать.

— Ты мог хотя бы спросить, согласна ли я.

— Лада, я уже объяснял...

Я подняла руку, останавливая его.

— Не надо. Сегодня больше не надо.

Олег замолчал.

Я взяла ноутбук и папку с документами.

— Ты куда?

— Спать.

— Лада, послушай...

— Я тебя услышала.

Он не двинулся с места.

Я прошла мимо него в коридор.

В гостевой комнате закрыла дверь и положила документы на стол.

Потом села на край дивана.

Было почти полночь.

Завтра мне предстояло искать юриста, разбираться в документах, решать, где жить и как разговаривать с детьми.

Но сегодня я уже знала главное.

Муж месяцами готовил для меня новую жизнь.

В этой жизни я должна была остаться его женой, сохранить семейный дом, продолжать поддерживать его положение и работать в созданном мной центре на условиях, которые он согласовал с другой женщиной.

Меня даже не собирались спрашивать, хочу ли я этого.

Я посмотрела на закрытую дверь.

За ней находился человек, с которым я прожила двадцать семь лет.

Когда-то он обещал, что мы построим центр вместе.

Сегодня я узнала, что он давно решил обойтись без меня.

Я достала телефон и открыла контакты.

Несколько лет назад одна знакомая врач обращалась за помощью к юристу Елизавете Глазуновой. Помню, она хвалила ее за редкое умение объяснять сложные вещи без лишних обещаний.

Контакт сохранился.

Я написала короткое сообщение с просьбой о консультации и отправила его.

Потом убрала телефон и открыла синюю тетрадь.

На первой странице по-прежнему стояла запись о мамином приеме.

«Среда. 10:40. Травматолог. Второй корпус».

Я провела пальцем по строчке.

Тогда мне казалось, что самое трудное — организовать лечение так, чтобы мама могла снова нормально ходить.

Позднее из этого опыта выросла моя мечта.

Я слишком долго считала, что осуществить ее смогу только вместе с Олегом.

Но первый план я когда-то составила сама.

И теперь собиралась выяснить, сколько от него еще осталось у меня.

Глава 3. Синяя папка

В половине девятого утра мне ответила Елизавета Глазунова.

Сообщение было коротким: ее помощница могла записать меня на консультацию в четырнадцать тридцать, если я успею подготовить основные документы. Ни сочувственных вопросов, ни обещаний разобраться с любыми неприятностями за один день.

Я ответила, что приеду.

Потом еще несколько минут лежала на диване, глядя в потолок гостевой комнаты.

За стеной работал телевизор. Олег смотрел утренние новости. Я различала голоса ведущих и тихий звон посуды, когда муж ставил чашку на журнальный столик.

Обычное субботнее утро.

Раньше я непременно вышла бы к нему. Мы позавтракали бы, обсудили планы, возможно, съездили за продуктами. Олег не любил торговые центры, зато обожал небольшую фермерскую лавку на окраине города, где продавали хороший сыр. Он всегда покупал больше, чем мы могли съесть, а потом возмущался, когда приходилось выбрасывать испортившиеся продукты.

В другой день я вспомнила бы об этом с улыбкой.

Сегодня меня раздражало даже то, что телевизор работал слишком громко.

Я поднялась, умылась и достала из шкафа темно-синие брюки с бежевой блузкой. Обычно на деловые встречи надевала костюм, но тот, в котором я была на презентации, все еще висел на спинке кресла, и смотреть на него не хотелось.

В сумке лежала синяя школьная тетрадь.

Я вынула ее, провела ладонью по обложке и положила на стол.

Рядом находились документы, которые я собирала накануне: договор займа, банковские выписки, копии корпоративных решений, несколько старых версий медицинской программы.

Бумаги не помещались в обычную папку.

Пришлось открыть шкаф в домашнем кабинете, где мы хранили старые договоры, страховки и документы на квартиру.

Олег не любил беспорядка. Все важные бумаги находились в одинаковых папках с аккуратными подписями. Часть архива он организовал сам, остальное постепенно привела в порядок я.

На верхней полке стояла большая синяя папка с металлическими кольцами.

Я достала ее и смахнула пыль.

Когда-то здесь хранились документы по продаже маминой квартиры. После завершения сделки я убрала их в дальний угол, потому что не могла больше смотреть на свидетельства, выписки, доверенности и прочие бумаги, подтверждавшие, что комнаты, в которых прошло мое детство, больше нам не принадлежат.

На корешке сохранилась наклейка.

«Квартира. Мама».

Я поставила папку на стол и открыла.

Первым лежал договор купли-продажи. За ним — акт приема-передачи, банковские документы, подтверждения поступления денег.

Восемь миллионов четыреста тысяч рублей. Я помнила точную сумму: после продажи квартиры каждый рубль приобрел для меня особый смысл.

Мама никогда не говорила о наследстве и не считала свою двухкомнатную квартиру чем-то значительным. Для нее это был дом, где стояли старый буфет, швейная машинка и книжный шкаф с собраниями сочинений, которые она покупала по подписке.

Я долго не решалась продать квартиру.

Полтора года после маминой смерти она оставалась почти нетронутой. Я приезжала иногда проверить отопление, забрать документы или просто открыть окна.

Олег говорил, что неразумно держать пустую недвижимость. Предлагал сдавать ее, но я не могла представить чужих людей на маминой кухне.

Позже, когда мы начали всерьез обсуждать медицинский центр, именно он предложил продать квартиру и вложить деньги в проект.

Тогда мне казалось, что это правильное решение. Сейчас я не была в этом уверена.

Я аккуратно переложила документы в прозрачные файлы и добавила договор займа, который заключила с ООО «Рубеж».

В тот момент, когда оформляли перечисление денег, наш бухгалтер настаивал на письменном договоре. Олег сначала отмахнулся: зачем супругам такие формальности, если они вместе занимаются общим делом?

Но бухгалтер оказался упрямым человеком.

— У нас юридическое лицо, Олег Викторович, — сказал он тогда. — Деньги должны поступать на понятном основании. И возвращаться тоже.

Я согласилась.

Олег немного поворчал, но подписал договор.

Сегодня я впервые почувствовала искреннюю благодарность к тому пожилому бухгалтеру, который не позволил нам ограничиться устными обещаниями.

В папке нашлось и свидетельство о праве на наследство.

Я положила его сверху.

Потом достала распечатанную медицинскую концепцию, которую разрабатывала еще до регистрации компании.

На титульном листе стояло прежнее название — «Второй шаг», а под ним мое имя: Лада Корнеева.

Я задержала взгляд на первых страницах.

Здесь все было гораздо проще, чем в окончательном проекте. Небольшой центр амбулаторной реабилитации. Несколько кабинетов, зал лечебной физкультуры, помещения для консультаций. Никакого роскошного холла, отдельного административного этажа или дорогостоящей рекламной кампании.

Я тогда рассчитывала начать с малого.

Олег убедил меня, что возможностей должно быть больше.

Возможно, он был прав. Крупный центр действительно открывал другие перспективы.

Но чем масштабнее становился проект, тем больше я зависела от решений инвесторов и руководства компании.

Я закрыла папку.

В дверях стоял Олег.

— Собираешь документы? — спросил он.

Я не слышала, как он подошел.

— Да.

Муж посмотрел на стол.

— Это все по компании?

— Почти.

— Зачем тебе документы на мамину квартиру?

Я повернулась к нему.

— Чтобы подтвердить происхождение денег, которые вложила в «Рубеж».

Он помолчал.

— Лада, ты ведь понимаешь, что никто не собирается присваивать твои средства?

— Хочу услышать это не только от тебя.

Олег вошел в комнату.

На нем были домашние брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Он выглядел так, словно собирался заняться обычными субботними делами, а не обсуждать с женой последствия измены.

— Я вчера дал поручение подготовить корпоративные документы, — сказал он. — Тебе все предоставят.

— Хорошо.

— Можно было обойтись без посторонних людей.

Я застегнула металлические кольца папки.

— Юрист не посторонний человек, если он представляет мои интересы.

— Тебе не кажется, что ты слишком торопишься?

— С чем?

— С решениями. Мы даже нормально не поговорили.

Я подняла голову.

— Мы разговаривали два вечера подряд.

— И ни к чему не пришли.

— Олег, ты до сих пор не решил, собираешься ли прекращать отношения с Софьей. А я уже знаю, что меня исключили из управления центром. Какие еще объяснения мне нужны, чтобы обратиться за консультацией?

Он прошел к окну, посмотрел на серое небо.

— Я надеялся, что ты проявишь немного терпения.

Это слово я слышала от мужа особенно часто.

Нужно было потерпеть очередной переезд. Подождать, пока закончится командировка. Не обижаться, если он пропускал семейный праздник. Дать ему время разобраться со сложными служебными вопросами.

Терпение было полезным качеством. Оно помогало переживать трудности, не разрушая отношения из-за каждой неприятности.

Но я вдруг задумалась, почему в нашей семье терпеть обычно предлагалось мне.

— Я проявляла терпение много лет, — сказала я. — И не жалею обо всем, на что соглашалась. Но сейчас хочу знать, что происходит с моими деньгами и моей работой.

Олег обернулся.

— Ты говоришь так, будто мы враги.

— Я пока не знаю, кем мы стали.

Он некоторое время смотрел на меня, затем кивнул.

— Хорошо. Делай как считаешь нужным. Только не позволяй юристам втянуть тебя в бессмысленную войну. Они зарабатывают на конфликтах.

— Поэтому я и хочу сначала получить консультацию.

Муж задержался в дверях.

— Лада, я могу отвезти тебя, если нужно.

Предложение было настолько привычным, что на секунду я растерялась.

Олег всегда охотно садился за руль, когда мне требовалось куда-нибудь ехать. Даже если мы ссорились, он мог спросить, исправны ли тормоза, не пора ли менять резину и достаточно ли бензина в баке.

Забота существовала в нем рядом с привычкой контролировать.

— Спасибо, я сама.

Он кивнул и вышел.

Я осталась за столом с синей папкой.

Впервые за все утро мне стало немного легче: я наконец занималась тем, что могла сделать сама, не ожидая согласия мужа.

***

Офис Елизаветы Глазуновой находился в старом административном здании на тихой улице недалеко от центра.

Я приехала раньше назначенного времени и несколько минут сидела в машине, рассматривая вывеску.

На первом этаже располагалась небольшая пекарня. Из открывавшейся двери тянуло горячим хлебом. Рядом мужчина в рабочей куртке устанавливал новую ручку на двери соседнего магазина.

Все вокруг выглядело настолько обыденно, что мне даже стало неловко из-за собственных переживаний.

Люди покупали хлеб, ремонтировали двери, торопились по делам.

А я ехала к юристу, чтобы выяснить, как делить имущество с человеком, которого еще три дня назад считала своим мужем в самом полном смысле этого слова.

В приемной меня встретила молодая женщина.

— Лада Олеговна? Елизавета Сергеевна освободится через несколько минут. Можете пока выпить кофе.

Я отказалась.

Кофе за последние двое суток и так было слишком много.

На журнальном столике лежали деловые журналы. Я взяла один, пролистала несколько страниц и поняла, что совершенно не воспринимаю текст.

Затем открылась дверь кабинета.

— Лада Олеговна, проходите.

Елизавета Глазунова оказалась невысокой женщиной с короткими темными волосами и очень внимательным взглядом. На ней были прямые черные брюки и светло-серая рубашка. Ни громоздких украшений, ни подчеркнутой строгости.

Она пожала мне руку и указала на кресло возле стола.

— Мы с вами раньше не встречались, верно?

— Нет. Мне вас рекомендовала коллега. Несколько лет назад вы помогали ей с договором при открытии медицинского кабинета.

Елизавета кивнула.

— Помню тот проект. Расскажите, что произошло.

Я открыла синюю папку.

Но прежде чем достать документы, неожиданно сказала:

— Мой муж изменяет мне с женщиной, которую назначил руководить центром, созданным по моей инициативе.

Елизавета спокойно придвинула блокнот.

— Давайте разделим семейный вопрос и корпоративный. Они связаны, но юридически это разные истории. Сначала расскажите о компании.

Я почувствовала благодарность за ее спокойствие.

Мне не пришлось объяснять, насколько я унижена, сколько лет прожила с мужем и почему вообще оказалась здесь.

Мы начали с документов.

Елизавета внимательно изучила сведения о регистрации ООО, договор займа, подтверждения банковских переводов и часть материалов, которые я принесла.

Она спрашивала, когда зарегистрировали компанию, на какие средства формировался уставный капитал, как оформлялись дополнительные вложения. Работала ли я в ООО по тру-

довому договору? Какие документы подписывала при передаче собственных разработок? Кто являлся генеральным директором?

Постепенно выяснилось, что на некоторые вопросы я не могла ответить уверенно.

Я знала, как устроена медицинская часть проекта.

Помнила, сколько стоило основное оборудование и какие специалисты нам требовались.

Но не всегда могла объяснить, почему конкретное корпоративное решение принималось именно таким образом.

Елизавета записывала мои ответы, не делая замечаний.

— По реестру у вас сорок процентов, у Олега Викторовича шестьдесят, — сказала она после изучения документов. — Генеральный директор компании — ваш супруг. Это означает, что он обладает управленческими полномочиями в пределах закона и устава общества. Но вы остаетесь участником компании со своими правами.

— Он назначил Софью исполнительным директором, не спросив меня.

— Надо посмотреть устав, внутренние документы и объем ее полномочий. Если речь идет о подчиненной генеральному директору управленческой должности, подобное назначение само по себе не обязательно требует вашего согласия.

Я помолчала.

— То есть он имел право?

— Возможно, в части назначения — да. Но это не означает, что он вправе вводить вас в заблуждение, нарушать корпоративные процедуры или лишать предусмотренной законом информации. И уж тем более наличие любовницы не дает ему никаких дополнительных прав в отношении вашей доли.

Она произнесла это так спокойно, что я невольно улыбнулась.

— Вы часто сталкиваетесь с подобными историями?

— С корпоративными конфликтами между родственниками? Чаще, чем хотелось бы. Семейное доверие иногда становится причиной очень плохо оформленных договоренностей.

Елизавета перелистнула документы.

— У вас, к счастью, не все держится на доверии. Вот договор займа. Восемь миллионов четыреста тысяч рублей.

— Это деньги от продажи квартиры матери.

— Вижу подтверждения. Квартира досталась вам по наследству?

— Да.

— После вступления в наследство вы продали ее и перечислили деньги компании?

— Именно так.

— На личный счет поступила вся сумма?

— Да. Потом я перевела ее ООО.

Елизавета просмотрела банковские документы.

— Хорошо, что у вас сохранилась вся цепочка операций. Это важно.

— Значит, деньги можно вернуть?

Она подняла глаза.

— У компании есть перед вами обязательство по договору займа, если договор действителен и средства действительно были переданы. Но право требовать возврата и возможность получить деньги немедленно — разные вещи.

Я медленно кивнула.

— Когда наступает срок возврата?

— По договору не позднее тридцатого сентября этого года, — ответила она, указав на соответствующий пункт. — Пока компания не нарушила срок. Если возникнет спор, мы будем оценивать документы, ее финансовое положение и возможные варианты обеспечения требований.

— Олег говорил, что средства работают в проекте.

— Вероятно, так и есть. Но использование заемных денег не отменяет обязанность их вернуть на предусмотренных условиях.

Она сделала пометку.

— При этом нам отдельно нужно разобраться, как источник средств и характер договора будут оцениваться в рамках вашего имущественного спора с супругом. Не следует заранее считать, что одна банковская выписка решает все вопросы.

Я слушала и впервые за несколько дней не чувствовала, что меня пытаются убедить принять удобное для кого-то решение.

Елизавета не обещала победы, а объясняла границы возможного.

— А сорок процентов компании? — спросила я. — Они точно мои?

— Вы зарегистрированы участником с долей сорок процентов. Но компания создавалась в браке, поэтому нужно изучить обстоятельства приобретения долей и вложений. Вопрос о супружеском имуществе не решается только тем, что в реестре записаны ваши фамилии.

— То есть Олег тоже может претендовать на часть моей доли?

— И вы можете иметь имущественные требования, связанные с его долей. Возможные последствия зависят от множества обстоятельств. Мы не будем гадать до изучения документов.

Она достала чистый лист.

— Сейчас важно понять, какой результат вы хотите получить. Вернуться в управление центром? Продать долю? Добиться выплаты вложенных денег? Разделить семейное имущество?

Я посмотрела на лежавшие передо мной бумаги.

Еще вчера ответ казался очевидным.

Я хотела, чтобы Олег признал свою неправоту, убрал Софью из руководства и вернул мне возможность заниматься центром.

Сегодня уверенности стало меньше.

— Не знаю, — призналась я. — Я четыре года занималась этим проектом. Мне трудно представить, что просто уйду.

— А работать с нынешним руководством готовы?

Я покачала головой.

— Нет.

— Даже если вам предложат хорошие условия?

Я вспомнила Софью на сцене.

Ее уверенную улыбку, чужой голос, рассказывавший о моей матери, и Олега, который смотрел на любовницу с одобрением.

— Нет, — повторила я.

Елизавета кивнула.

— Тогда не стоит строить стратегию вокруг возвращения на прежнюю должность. Во всяком случае, пока. Сначала нужно выяснить, какие у вас есть законные возможности и насколько реалистичен выход из компании на приемлемых условиях.

Я молчала.

До этой минуты мне казалось, что я приехала защищать свою мечту. Теперь приходилось обсуждать выход из компании. Я еще не умела отделить одно от другого.

— Вы понимаете, сколько я туда вложила? — спросила я.

— Деньгами или работой?

Я подняла глаза.

Елизавета смотрела на меня внимательно, без насмешки.

— И тем и другим.

— Тогда вам особенно важно не принимать решение исключительно из-за того, что произошло с мужем. Вы можете развестись, но сохранить участие в бизнесе. Можете договариваться о продаже доли. Можете временно не участвовать в управлении. Это разные варианты, и у каждого есть цена.

Я опустила взгляд.

Она была права.

Для меня брак, работа, дети, дом и будущее были неразделимы. Теперь предстояло разобраться с каждым из этих вопросов и решить, что я действительно хочу сохранить.

***

Когда мы перешли к медицинским материалам, Елизавета попросила показать первоначальную концепцию.

Я достала распечатку с названием «Второй шаг».

Она изучила титульный лист, пролистала несколько страниц.

— Когда вы это подготовили?

— До регистрации компании. Я консультировалась с коллегами, составляла предварительные расчеты и организационную схему.

— Сохранились электронные версии?

— Да. На личном компьютере. Есть переписка, в которой я отправляла материалы потенциальным партнерам.

— Хорошо. Не удаляйте ничего. Сохраните законно находящиеся у вас оригиналы и историю переписки.

Я немного приободрилась.

— Значит, я могу доказать, что разработала концепцию?

— Можно доказывать ваше участие и авторство конкретных материалов. Но важно не смешивать разные правовые категории. Сама идея создать центр медицинской реабилитации не является вашей исключительной собственностью. Общие медицинские методы тоже не принадлежат одному человеку.

Она перевернула страницу.

— Другое дело — конкретные тексты, авторские схемы, учебные материалы, презентации. Там могут возникать права, которые необходимо оценивать с учетом договоров и обстоятельств создания.

— Софья использовала мое выступление.

— Вы сохранили исходный файл?

— Да.

— И запись презентации есть?

— Должна быть. Ее снимали несколько камер.

— Тогда в первую очередь зафиксируем содержание публичного выступления. Но я не советую сейчас самостоятельно устраивать разбирательство в интернете. Особенно пока мы не выяснили, какие материалы создавались лично вами, какие по договору с компанией и кому принадлежат соответствующие права.

Я кивнула.

— А если Софья рассказывает историю моей матери как собственную?

Елизавета задержала на мне взгляд.

— С юридической точки зрения мы должны будем оценивать конкретные слова и обстоятельства. С человеческой я понимаю, почему вас это задело.

Мне вдруг стало трудно дышать.

До этого момента мы почти час обсуждали документы, деньги и права участников ООО.

Пока речь шла о документах, я могла задавать вопросы, получать ответы и записывать дальнейшие действия.

Но стоило Елизавете произнести несколько простых слов о маме, как прежнее чувство вернулось.

Я посмотрела на синюю папку.

— Мне кажется, он даже не понял, почему это так важно, — сказала я. — Олег утверждает, что никто не называл маму по имени, поэтому ничего страшного не произошло.

Елизавета помолчала.

— Возможно, он действительно не понимает. Но от этого произошедшее не становится менее болезненным.

Я потерла ладонями лицо.

— Простите. Я не собиралась обсуждать здесь семейные чувства.

— Мы можем сделать небольшой перерыв.

— Нет, спасибо. Продолжим.

Она подождала, пока я соберусь.

Потом спросила:

— Вы говорили, что хотите развестись. Муж согласен?

— Нет. По крайней мере, вчера он сказал, что не собирается разрушать семью.

— У вас только совершеннолетние дети?

— Да. Дочери двадцать пять, сыну двадцать один.

— Тогда вопрос расторжения брака можно рассматривать отдельно от корпоративного спора. Если супруг не согласен на развод, потребуется судебная процедура. Имущественные требования также необходимо подготовить с учетом их состава и обстоятельств.

Елизавета записала имя коллеги, занимавшейся семейными делами.

— Я могу организовать вам консультацию у специалиста. По имущественным вопросам будем работать совместно, чтобы позиции не противоречили друг другу.

Я посмотрела на листок.

— Значит, развод не обязательно должен ждать, пока мы разберемся с компанией?

— Не обязательно. Но конкретную последовательность действий мы определим после изучения документов. В вашем случае торопиться с имущественными соглашениями без полноценной оценки нельзя.

Она немного помолчала.

— И еще один вопрос. Где вы сейчас живете?

— С мужем. В нашей квартире.

— Планируете оставаться?

Я задумалась.

Вчера вечером мне казалось, что я не выдержу еще одной ночи за стеной от Олега.

Но квартира была и моей тоже.

Я прожила там двенадцать лет.

Покупала мебель, делала ремонт, встречала детей, ухаживала за растениями на балконе. Почему именно я должна уходить?

С другой стороны, каждое утро за общим столом превращалось в продолжение разговора, который муж отказывался вести честно.

— Не знаю, — ответила я.

— Не обязательно принимать решение немедленно. И не следует считать, что временный переезд сам по себе лишает вас имущественных прав. Но если решите снимать жилье, сохраните документы по расходам и обсудите ситуацию с семейным юристом.

Я кивнула.

Елизавета закрыла блокнот.

— Давайте подведем итоги. Мы подготовим запрос о предоставлении документов общества. Отдельно изучим договор займа, его исполнение и возможные последствия для раздела имущества. По авторским материалам соберем доказательства создания и использования. А по браку я организую консультацию с коллегой.

Она посмотрела на меня.

— Пока я не советую подписывать новые документы, предложенные компанией, без проверки. И не нужно пытаться самостоятельно получать доступ к закрытым корпоративным ресурсам или выносить чужую документацию.

— Я и не собиралась.

— Хорошо. Но предупреждаю всех клиентов, особенно когда спор возникает внутри семьи. Иногда люди считают, что раз раньше пользовались общим компьютером или знали пароль, то могут делать это и дальше. Это не всегда так.

Я вспомнила сообщение об отключении моего доступа к рабочим папкам.

— Меня уже исключили из корпоративной системы.

— Тогда тем более будем действовать официально.

Она взяла визитку и написала на обороте несколько слов.

— Вот контакты помощницы. Направьте ей электронные копии документов, которые у вас есть на законном основании. После заключения соглашения о юридической помощи подготовим необходимые запросы.

Я собрала бумаги обратно в папку.

Перед тем как уйти, неожиданно спросила:

— Елизавета Сергеевна, можно один вопрос не совсем по делу?

— Конечно.

— Вы часто видите людей, которые приходят после долгого брака и не понимают, что им теперь делать?

Она немного подумала.

— Достаточно часто.

— И что они обычно делают?

Елизавета сложила руки на столе.

— По-разному. Кто-то хочет немедленно наказать супруга. Кто-то пытается любой ценой сохранить прежнюю жизнь. Кто-то убеждает себя, что ничего серьезного не произошло.

— А правильно как?

Она улыбнулась.

— Если бы существовал один правильный ответ, моя работа была бы значительно проще.

Я тоже улыбнулась.

— Извините за странный вопрос.

— Он не странный, Лада Олеговна. Просто я не могу решить за вас, какой должна быть ваша жизнь. Могу помочь понять последствия разных решений.

Я поблагодарила ее.

Уже у двери Елизавета добавила:

— И постарайтесь сегодня поесть нормально. Вы выглядите так, будто несколько суток живете на кофе.

Я невольно рассмеялась — впервые за последние два дня совершенно искренне.

— Вы правы. Спасибо.

***

После консультации я не поехала сразу домой.

Остановилась возле небольшой столовой, где раньше иногда обедала после занятий в университете.

Заказала суп, салат и чай.

Села за столик у окна.

Вокруг разговаривали люди, звенели приборы, официантка торопливо протирала свободные столы. У соседнего окна пожилая пара делила одну большую порцию картофельного пюре с котлетами. Мужчина старательно разрезал мясо на мелкие кусочки и перекладывал жене на тарелку.

Я невольно задержала на них взгляд.

Потом отвернулась.

Когда долго живешь в браке, чужие пары становятся для тебя своеобразным обещанием будущего. Смотришь на пожилых супругов, которые вместе выбирают продукты или медленно идут по парку, и невольно представляешь себя на их месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.